

Игорь Григорьевич Атаманенко
Операция «Пророк»
Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023615

Операция «Пророк» : роман / Игорь Атаманенко: Вече; Москва; 2012

ISBN 978-5-9533-6427-0

Аннотация

В конце 1960-х годов советской разведке стало известно, что на борт торговых судов, ходивших под флагами стран-участниц блока НАТО, поступил некий свод секретных документов, условно названный «ПАКЕТ». По имевшимся данным, «ПАКЕТ» содержал предписание, которое регламентировало действия судна и команды в случае возникновения ядерного конфликта. Кроме того, «ПАКЕТ» содержал блок рекомендаций, как избежать интернирования при нахождении в портах СССР и его союзников; какие меры нужно предпринять, находясь в нейтральных водах, при встрече с советскими субмаринами; вероятные маршруты перемещений в Мировом океане. Наконец, там находился шифр-блокнот с натовскими кодами, действительными в течение года.

Отдельная служба в составе КГБ, возглавляемая генерал-майором Карповым, как раз и занималась поиском «ПАКЕТА». Тонкой ниточкой для распутывания этого клубка был некий Али Мохаммед, по кличке «Пророк», африканец, первый помощник капитана итальянского танкера, регулярно посещавшего порты Советского Союза. Дело было за малым: склонить Мохаммеда к «жесту доброй воли» – выдаче «ПАКЕТА»...

Содержание

От автора	4
Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвёртая	19
Глава пятая	21
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	28
Глава девятая	31
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Игорь Атаманенко

Операция «Пророк»

*Моим друзьям-офицерам, рыцарям чести,
Голоду Константину и Леушу Виктору
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

От автора

Тайная война разведок, длящаяся более трёх тысяч лет, никогда не прекращалась. Бои ведутся и сегодня по всей линии незримых фронтов, а офицеры-вербовщики и солдаты-агенты ни на один день не покидали своих окопов. Они гибнут не за металл – за информацию, ибо кто ею владеет – властвует.

Усилия спецслужб мира окупаются сторицей: под знамена Ордена секретных агентов рекрутированы наследные принцы и политические деятели, священники и проститутки, учёные с мировым именем и домохозяйки – все они азартно похищают стратегические секреты в пользу своих работодателей.

Автор далёк от намерения сгустить краски, но по прочтении этой книги Вы обязательно зададитесь вопросом:

«А кто у нас сегодня не агент?»

Нелегко найти ответ, даже посмотрев на себя в зеркало. Не спешите сказать «нет». Не обольщайтесь: Вас могут использовать «втёмную». Спецслужбы это умеют.

История тайной войны не знает различия между «благородной разведкой» и «низменным шпионажем» – всё зависит от Вашей точки зрения.

Прочитав эту книгу, Вы сможете объективно судить о мотивах, которые подвигают людей к секретному сотрудничеству со спецслужбами, о правомерности проникновения в иностранные посольства и в квартиры Ваших соседей для проведения негласных обысков.

Вы имеете уникальный шанс удовлетворить своё любопытство и, заглянув в замочную скважину сановных кабинетов, собственными глазами увидеть иностранных агентов влияния, которые разваливали Советский Союз.

Вы узнаете, как советские контрразведчики добыли стратегические секреты НАТО и нейтрализовали в Москве агентурную сеть противника, которая собирала информацию о чиновниках из высших эшелонов власти.

Вы станете свидетелем того, как профессионалы уходят от слежки и сколько головокружительных кульбитов – куда там циркачам! – надо проделать «наружке», чтобы удержаться на «хвосте» у ведомого объекта.

Вам представится возможность увидеть людей нетрадиционной сексуальной ориентации в неожиданном ракурсе и несвойственном им амплуа – похитителей сведений особой важности.

Всё, что сегодня в деятельности секретных служб Вам кажется невероятным и фантастичным, станет очевидным по прочтении этого, без преувеличения, сенсационного романа!

Никакого вымысла – сугубо документальный материал и только из первых рук!

Часть первая Операция «Пророк»

Глава первая Он и она

В 1990 году в Москву необычно рано пришла дружная весна. В воздухе витал аромат распускающейся листвы и молодых трав. Далеко за полночь *ОН* возвращался домой с затянувшейся допоздна Коллегии. В начале Гоголевского бульвара попросил водителя остановить машину.

«Не грех и прогуляться при такой погоде... Завтра – как обычно, Саша... Спокойной ночи!»

Не дожидаясь ответа, *ОН* резко выбросил свое грузное тело на кромку тротуара и через Арбатский лабиринт дворов и переулков направился в сторону своего дома.

«Вот оно в чём дело, – отметил *ОН*, увидев выглянувший из облаков желтый таз луны, – проклятое полнолуние!»

Тяжесть в затылке, безразличие и отрешенность – всё, о чём предупреждали врачи, – усиливалось именно в такие ночи.

Чтобы быстрее покинуть больничную койку, *ОН* искусно внушил врачам мысль о своём полном восстановлении, и так глубоко вошел в роль здорового человека, что и сам порой забывал о полученных в автокатастрофе увечьях. Природе приходилось одергивать его, напоминая, кто – хозяин. Вот и сейчас...

ОН потер затылок и полез в карман за таблетками – рядом ни коллег, ни жены, можно не притворяться здоровым. Через десять минут боль уйдет. Хотя... Ладно бы только головная боль и астения – посттравматический упадок сил и безразличие ко всему – с ними *ОН* справился бы и сам – на то и воля. Хуже другое – вот уже год любимая жена не вызывала в нем естественных для здоровой мужской плоти желаний. Если бы только жена! Со времени выписки из больницы ни одна женщина не заставила проснуться его мужское начало. Влечение к противоположному полу атрофировалось. Мысль, что это конец половой активности, не раз будила его среди ночи, бросала в холодный пот, а наблюдать в зеркало свою бессильную причинную плоть – всё равно, что созерцать надгробие на собственной могиле. Ведь ему нет и пятидесяти!

Первые три месяца *Енотик* — так ласково называл жену *ОН* — делала вид, что всё идет, как шло, без изменений. Давалось ей это огромным усилием воли, так как за двадцать лет супружеской жизни *ОНА* успела привыкнуть к сексуальной неумности своего *Муравейчика*, — так ласково называла его *ОНА*, — который все эти годы с нетерпением жениха переносил даже вынужденную ежемесячную паузу в их интимных отношениях.

По прошествии полугода посттравматической абстиненции *ОН* стал регулярно присутствовать на эротическом шоу. И ни где-нибудь – в собственной спальне! *Енотик* вдруг взяла за правило перед сном примерять привезенное им из-за рубежа роскошное нижнее белье, кружевные чулки, слишком смелые для женщины ее возраста купальники.

О, это было нечто! *ОНА* то принимала непристойные позы, то невзначай задирала подол ночной сорочки до уровня пупка, то норовила ткнуть его обнаженной ногой, да так, что ее промежность обязательно нависала над его лицом. *ОНА* кружилась вокруг себя, повизгивала, смеялась, вслух хвалила свои бедра, ноги, грудь. Войдя в роль, она, казалось, не замечала его присутствия. *ОН* же безучастно наблюдал за ее экзерсисами, каждый раз

отводя глаза в сторону, чтобы не встретить ее влекущий взор, который весело, без намека на укор, приговаривал:

«Ну, *Муравейчик*, давай, давай же! Воспрянь! Я хочу тебя... Возьми меня всю. Я готова отдаться! Ты ведь знаешь: женщина в сорок пять – хочет и опять, и опять...»

«Надомный стриптиз» – так окрестил *ОН* потуги жены спровоцировать его на сексуальный поединок – неизменно заканчивался его надуманными просьбами то проветрить спальню, то принести воды и снотворное. Оно помогало ему за завтраком не испытывать угрызений совести ни перед собой, ни перед женой из-за своей мужской несостоятельности.

В то же время, оставаясь наедине с самим собой, лежа с закрытыми глазами в ванне, наполненной теплой водой, *ОН* воскрешал в памяти подробности постельных баталий с женщинами, которыми обладал. Пытался руками и струей душа добиться восстания плоти. Безуспешно.

Через некоторое время *ОН* настоял, чтобы в медсанчасти ему провели курс витаминотерапии группой «Б». Безрезультатно. Желание обладать женщиной – не только *Енотиком*, но и плодами запретными – молоденькими секретаршами, – отсутствовало напрочь!

По выходным дням под предлогом ремонта своего потрепанного «трабандта», подаренного коллегами из ГДР, он запирался в гараже и часами листал журналы с фотографиями порнодив. Какое там! – «машинка» не заводилась...

Наконец, *ОН* смирился. Выжидал. А вдруг! Памятуя высказывание Фрейда о том, что работа, курение, наркотики – суть замена первой в жизни пагубной привычки – мастурбации – *ОН* начал работать на износ, чтобы выместить мысли о своей половой немощности.

В редкие часы досуга *ОН* с сожалением думал о неутоленных желаниях своего *Енотика*, чьи попытки наладить прежнюю интимную жизнь уступили место молчаливой покорности.

ОН был благодарен жене за ее такт и терпение. Ни малейшего упрека. Только тихая грусть. *ОНИ*, казалось, заключили немой пакт: *ОНА* – не домогается; *ОН* – не оправдывается.

В поведении и настроении *Енотика* произошла резкая смена с появлением в их доме кобеля по кличке Султан, восточноевропейской овчарки пяти месяцев от роду.

Однажды подруга семьи Лана – женщина, знавшая толк в мужчинах и сексе, – привела к ним в дом щенка. Просила присмотреть за ним полгода – год, так как хозяева Султана якобы собираются уехать вграничную командировку.

ОН стоял насмерть: «Нет и всё!» *Енотик* робко оказывала ему поддержку. Лана метала громы и молнии:

«Я же пообещала друзьям – хозяевам Султана, – что передам его в надежные руки... Что ж вы меня подводите?! Ну и что, как не держали живность в доме? Считайте, что теперь завели. Кроме прочего, через пару месяцев будете стройными, как топольки... Ведь Султанчика надо дважды в день выгуливать... А хозяева еще и оплачивают пансион своего пса, – с этими словами подруга открыла сумочку, – вот, целую тысячу дали...»

Ему тогда показалось, что *Енотик* поддавалась на последние доводы подруги: «похудание» и «самоокупаемость».

Месяца через три после увеличения семьи на четвероногого члена, *ОН* обратил внимание на некоторые, мягко говоря, странности в поведении Султана, ставшего к тому времени заматеревшим кобелем.

Стоило *Енотике* прилечь с книгой на тахту и немного раздвинуть согнутые в коленях ноги, как пес, будто по команде, оказывался тут как тут, норовя уткнуться женщине мордой в лобок.

Каждый раз при этом *Енотик* вскакивала, запахивала халат, махала руками перед пастью Султана, командуя «Фу! Фу!» Неизменно поворачивалась к наблюдавшему эти

сцены мужу, пожимала плечами и смущенно говорила: «Скоро суку ему надо будет искать...»

Для него эти слова с каждым разом звучали всё менее убедительно. *ОН* решил поэкспериментировать.

Однажды в воскресенье, сославшись на недомогание, *ОН* неоднократно устраивался на тахте и раздвигал согнутые в коленях ноги. Негромко, чтобы не услышала с кухни жена, подзывал кобеля и при его приближении пытался засунуть его морду себе в пах. Безрезультатно! Пес вырывался, игриво рычал, но всякий раз убегал на кухню к хозяйке. На эксперименты были потрачены несколько выходных дней. Никакой реакции. Псина реагировал только на раздвинутые ноги *Енотика*.

Спустя некоторое время *ОН*, озадаченный избирательной активностью пса, затребовал из служебной библиотеки всю имеющуюся литературу о женской сексопатологии. Через двадцать минут беглого чтения всё стало на свои места. Подтвердились его смутные подозрения о сексуальной природе поведения Султана, *ОН* понял, каково его основное предназначение.

«Кунилингвус – вот почему кобель появился в нашем доме, а не потому, что его хозяйка уехали за рубеж. Не было у него никаких хозяев! Эти чертовки – Лана и мой *Енотик* – мастерски разыграли передо мной спектакль передачи Султана “в надежные руки”. А всё из-за моей половой несостоятельности. – *ОН* был искренне восхищен находчивостью женщин. – Уж лучше домашний Султан о четырех ногах, чем заезжий кавказский князь о двух... Молодцы бабы!»

* * *

Случайно *ОН* задел ногой лежащий на тротуаре спичечный коробок. Треск рассыпающихся в ночной тиши спичек прервал его размышления.

«Ну вот, я уже дома... Сейчас женское общежитие... Спасибо Султану... Вечерние прогулки с ним помогли изучить окрест... Ба, да здесь тоже не спят...»

Из настежь распахнутого светящегося окна душевой комнаты в погруженный в ночную дрему переулочек выплескивались шум воды, девичий визг и смех, звуки шлепков по телу.

«Ой, девочки, хорошо-то как, ой, хорошо!» – резанул ухо срывающийся вопль одной из купальщиц.

Как вкопанный, *ОН* замер напротив окна. Кровь застучала в висках, во рту стало сухо. Брюки у гульфика зашевелились, наполняясь ожившей плотью. Ничего подобного *ОН* не испытывал более сорока лет с тех пор, как первоклашкой подглядывал за своей бабушкой, купающейся в пруду.

ОН лихорадочно огляделся. Никого... Только желторотая луна ухмылялась в разрывах облаков... Неведомая сила толкнула через дорогу. Повинуясь ей, он сделал несколько шагов, приблизился вплотную к манящему окну... Возбужденное сознание подсказало, что без помоста до подоконника не дотянуться.

«Быстро за угол! – скомандовал внутренний голос, – там пивная, возьми пару ящиков!»

В полузабытьи *ОН* бесшумно поставил ящик на ящик, по-кошачьи вспрыгнул на верхний. Сердце уже колотилось не в груди – в горле.

Купальщицы, судя по голосам, были так близко, что *ОН* вдруг ощутил себя среди них. Смех вдруг смолк. Теперь из окна горячими волнами выкатывались сладострастные стоны разной тональности. Девочки, похоже, были чем-то очень заняты. «Чем?!» – *ОН* заглянул внутрь.

На банном мраморном столике, раздвинув ноги, лежала на спине крупная девица, будто сошедшая с кустодиевского полотна. Две другие, миниатюрные, расположились над нею

друг за другом, паровозиком. Каждая из участниц скульптурной группы собственным языком, губами и пальцами остервенело терзала клитор подруги, одновременно получая в ответ свою сладкую порцию чужой ярости.

«Закольцованный непрерывный цикл, – с удовлетворением отметил *ОН*, – чем более активно действует составное звено цепи – каждая участница этого лесбийского круга – тем большей сторицей возвращается к ней затраченное усилие. Цепная реакция. Слаженно работает трио!»

Только и успел подумать *ОН*, как вдруг горячая волна оргазма, окатив низ живота, поднялась вровень груди.

Глава вторая

Ганнибал Ганнибалович

Казаченко шагнул в открытую кабину лифта, не подозревая, что перешел Рубикон.

В углу стоял молодой человек в форме капитана милиции. Олегу, три года проработавшему в странах Восточной Африки, было достаточно одного взгляда, чтобы определить: незнакомец состоит в родстве с уроженцами Черного континента. Впрочем, африканская кровь была основательно разбавлена европейской – цвет кожи почти белый, нет ни расплющенного носа, ни вывернутых огромных губ. Только черные курчавые волосы и карие, чуть нависают, глаза могли подсказать, в каком направлении искать генеалогические корни незнакомца.

«АРАП» – так мысленно окрестил Олег попутчика – держался с достоинством, тактично вперив взгляд в несуществующую точку на потолке.

«Не хилого сложения мальчик, – подумал Олег, исподволь разглядывая попутчика, – при моих 182 см, он почти на полголовы выше. Ба! Да у него кроме юбилейных и “песочных” орденских планок, одна “Отвага” и одна “За отличие при охране госграницы СССР”. Негр – орденосец?! – Олег даже головой тряхнул от неожиданного открытия. – Три месяца, как я в Москве, а у меня всё времени нет заняться изучением окружения, черт! Всё! “АРАП” – последняя капля... Сегодня же наведу справки, кто живет на моей площадке!»

Створки лифта распахнулись. Капитан, стоявший в пол-оборота, повернулся к Казаченко лицом.

– Подвезти, Олег Юрьевич? Вам же в центр...

«Какова прыть! – не без восхищения отметил про себя Казаченко. – Пока я перевожу контейнеры с мебелью, обживаю новое жилище, обо мне справки успели навести, рентгеном просветить... Ушлый у меня сосед, не то, что я – простофиля!»

– А вы – профессионал, капитан... – не моргнув глазом, отреагировал Олег.

– Служба обязывает... – как-то уж слишком кротко для милиционера ответил «АРАП».

– Ну, давайте уж тогда уравнием наши шансы. Я ведь не знаю, как вас...

– Аношин Ганнибал Ганнибалович, или просто – Пал Палыч, с готовностью ответил «АРАП» и улыбнулся. Жестом указал на стоящий у подъезда милицейский «уазик».

«Прекрасная улыбка, – автоматически отметил Олег, – обезоруживает и притягивает».

– Сначала на Лубянку! – бросил Пал Палыч, усаживаясь рядом с водителем.

В пути каждый мысленно переваривал старт знакомства. Интуиция подсказывала Олегу, что эта встреча будет иметь продолжение. Поездка в лифте, а затем в «уазике» – лишь начало.

Годы службы в оперативных подразделениях Комитета приучили Олега рассматривать знакомство с новым человеком с позиций целесообразности вовлечения его в орбиту органов госбезопасности.

– До встречи! – бросил Олег, выходя из машины.

– Всего доброго! – заулыбался в ответ Аношин.

* * *

Когда Казаченко вошел в свой рабочий кабинет, в ушах у него продолжали звучать слова «АРАПА»: «Служба обязывает...»

– Раз так, – произнес Олег вслух, подвигая к себе телефонный аппарат, – меня обязывает тем более! Сейчас выясним, капитан, что это за служба у тебя такая, что обязывает...

– Алло! Это – полковник Казаченко, заместитель генерал-майора Карпова. Мне нужно установить проживающих по Краснопресненскому валу. – Олег продиктовал адрес и номера квартир на своей площадке. – Санкция? Через час получите. Не теряйте времени, майор. К обеду материалы должны быть у меня на столе!

* * *

Через два часа Олег знал, что на его площадке проживает Аношин Ганнибал Ганнибалович, 1958 года рождения, уроженец Москвы, русский (?!), сотрудник ГУВД г. Москва.

«Похоже, интуиция меня не подвела, и продолжение следует!» – подытожил Олег, вкладывая справку в папку, на обложке которой жирнофломастерно вывел «АРАП».

* * *

Ознакомившись с личным делом №-199510 капитана милиции Аношина Ганнибала Ганнибаловича, Казаченко сделал для себя несколько выводов.

Первое. Капитан по своим личным и деловым качествам, наконец, происхождению представляет безусловный интерес для органов госбезопасности и может быть использован в специальных операциях. Умен, смел и бескорыстен. Физически вынослив. Коммуникабелен. В достаточной степени владеет английским языком. К употреблению наркотических средств и алкогольных напитков предрасположенности не имеет. Разведен. Детей не имеет. 1976–1978 гг. проходил службу в погранвойсках, там же вступил в ряды КПСС. В бою с вооруженной группой контрабандистов на участке Пянджской погранзаставы был ранен. Несмотря на ранение, в одиночку, в течение часа удерживал участок границы, не допустив прорыва контрабандистов на территорию СССР. С поля боя вынес на себе раненого заместителя погранзаставы.

Получил всестороннюю оперативную подготовку в Московской школе милиции. Службу в органах МВД начал участковым инспектором, затем работал в подразделениях уголовного розыска. В настоящее время занимает должность начальника отдела Управления виз и регистрации ГУВД Москвы, заочно обучается на третьем курсе Академии МВД СССР.

За границей не был. Данные периодического изучения спецподразделениями МВД, как и архивы КГБ, свидетельствуют, что в поле зрения спецслужб противника «АРАП» не попадал.

За мужество, проявленное при защите государственной границы Союза ССР, награжден медалями «За Отвагу» и «За отличие в охране госграницы СССР».

Второе. Надо срочно довести изучение «АРАПА» до логического завершения, запросив возможно имеющиеся в архиве КГБ материалы на его отца.

Третье. В целях определения возможности использовать «АРАПА» в операциях КГБ по объекту «ПРОРОК», установить с капитаном оперативный контакт.

Тихо тренькнул аппарат прямой связи с шефом.

– Слушаю, товарищ генерал... Иду!

Запирая личное дело капитана Аношина в сейф, Олег вдруг вспомнил дату его рождения: 19 мая 1958 года. Нет, биографией «АРАП» совсем не похож на так называемых «фестивальных мальчиков» – детей, зачатых иностранцами, прибывшими для участия в Московском фестивале молодежи и студентов в 1957 году. Уж больно сложен и сам он, и его жизненный путь...

Когда Олег приоткрыл двойную, с тамбуром, дверь кабинета генерала Карпова, тот размеренно прохаживался по мягкому ковру. Он молча кивнул и жестом указал на стул рядом со своим рабочим столом. Неспешно подошел к массивному сейфу, вынул красную папку.

«Первыми ходят “красные” – значит, что-то весьма срочное!» – догадался Олег.

Пока генерал искал нужный документ, Казаченко по выражению его лица пытался определить, какого «заряда» – с «плюсом» или «минусом» – ожидаются новости.

Карпов молча протянул через стол бланк шифртелеграммы. Коллеги из Первого главного управления КГБ (внешняя разведка) сообщали, что объект дела оперативной разработки «ПРОРОК», 12 октября, то есть через полгода, прибудет в порт Новороссийска под итальянским флагом на танкере «Джулио Чезаре» в прежней должности первого помощника капитана судна. Капитан прежний. Команда в полном составе без изменений.

Генерал, мягко поднявшись из-за стола, теперь бесшумно вышагивал за спиной у Казаченко.

«При достаточно грузной комплекции у шефа удивительно легкая, прямо-таки кошачья поступь, – подумал Олег, – ребята, давно знающие шефа, говорят, что в молодости он был мастером спорта по акробатике и запросто делал двойное сальто-мортале».

– Ты обратил внимание, Олег Юрьевич, – генерал заставил Казаченко оторваться от телеграммы, – у «них» всё «прежнее»: капитан, судно, команда, «ПРОРОК», наконец... А у нас? Тоже всё без изменений? Так до сих пор под «ПРОРОКА» никого и нет? За последнее время судьба нам третий шанс предоставляет...

«Ну, шеф, этот камень – не в мой огород. Я в Службе только три месяца, а вы мне предлагаете, что называется, пришить к пуговице костюм... Всего-то!»

Додумать Олег не успел.

– Понимаю, ты у нас человек новый, – с расстановкой произнес генерал, – но четвертого раза не будет! – Сказал, как гвоздь вбил.

– Леонтий Алексеевич, через два дня я буду готов доложить свои соображения. Но сейчас нужна ваша помощь...

– Пожалуйста...

– У коллег из Первого главка надо запросить для ознакомления дело на...

Олег протянул Карпову пожелтевшую визитную карточку, обнаруженную в личном деле Аношина.

– Поздравляю... Недурственно, – усмехнулся генерал. – Спать – так с королевой. Вербовать – так членов императорской фамилии... Знаешь ли ты, Олег Юрьевич, что эта династия правит Чадом уже более тридцати лет. И если он «в работе», – генерал помахал визиткой, то нас к нему на пушечный выстрел не подпустят. Более того, еще и подписку о неразглашении отберут...

– Подписками, товарищ генерал, нас не запугать – столько раз давали... А мне ведь только-то и надо: получить дополнение к имеющимся данным, то есть одним глазом...

– Так и я о том же! Одним глазом... Кстати, а как ты на него вышел? – генерал взглядом указал на визитную карточку.

– Да болтается тут в Москве его сын, – нарочито небрежно произнес Олег.

– Из Университета дружбы народов?

– Нет, из МВД... Служит он там... Начальником отдела...

Карпов замедлил шаг, не мигая, *протяжно* посмотрел прямо в зрачки Олегу. Лицо шефа не выражало ни удивления, ни вопроса. Как посмертная маска.

«Вот это выдержка!» – с восхищением подумал Казаченко, вспомнив из рассказов сослуживцев, как Карпов, семь лет назад, находясь в Афганистане, поймал летящую от душманов гранату и хладнокровно метнул ее обратно «духам».

– Эффекты любишь, Олег Юрьевич, ну-ну...

Генерал наклонил голову и продолжил «кошачье» передвижение по кабинету.

– Товарищ генерал! – Олег поднялся из-за стола. – Вы сказали: «четвертого раза не будет». Но я-то пробую в п е р в ы е. Так что же? Для Казаченко и первого раза не дано?!

– Не наезжай, Казаченко, – примирительно сказал генерал, – если Первый Дом допустит нас до этого, – Карпов кивнул в сторону визитной карточки, – «черного тела», через час получишь дело. А через день доложишь мне все материалы по нему и свои соображения... Свободен!

«Что-то шеф рифмой заговорил: «тело-дело», – подумал Олег, выходя из кабинета.

Генерал Карпов слово сдержал. Дело находилось в архиве, не «в работе», и через час было передано Казаченко.

Глава третья «Баклажан»

Усевшись удобнее в кресле, Казаченко открыл полученное из архива Первого главного управления КГБ дело агентурной разработки Ганнибала Сесе Секо Куку Нгумбенду Ваза Банга, старшего сына императора.

Впервые в поле зрения резидентуры КГБ, действовавшей с позиций советского посольства в Чаде, кронпринц попал в 1955 году, начав посещать курсы русского языка при посольстве СССР в Чаде.

Пятнадцатилетний африканец обратил на себя внимание преподавателей (читай: офицеров КГБ) не только тем, что его привозили на занятия в «мерседесе» в сопровождении дюжины телохранителей. Таких было немало, ибо посещение курсов входившего в моду русского языка становилось своеобразной прихотью в кругу отпрысков правящей африканской элиты.

Никита Хрущев решил нанести международному империализму удар в подбрюшье, совершив обходной маневр. Почему бы не попробовать превзойти Генералиссимуса? Что нам турецкие проливы, озеро и плодородная долина вокруг горы Арарат? Не удалось Иосифу Виссарионовичу создать форпост социализма в Малой Азии – обойдемся! Зато я овладею Африкой! Нет, не в ходе боевых действий – в ходе наступления идеологического!

Неплохая задумка, да? От перестановки воспетых в «Интернационале» слагаемых итоговая сумма, то есть триумф коммунистической идеологии на Земле, не изменится, ведь так? И хотя на содержании у КПСС по-прежнему оставались компартии в странах, так называемой западной демократии, но направление нашего главного идеологического удара теперь было нацелено на африканский континент.

Африка – это стратегический простор, где можно развернуть в боевые порядки пропагандистские армии, способные с ходу брать целые африканские государства. А вот продвижение коммунистических идей в США и странах Западной Европы представлялось советскому руководству «уличными боями в осажденном, но хорошо укрепленном городе, где каждый дом огрызается контрпропагандистским огнем на поражение». Потери велики, а результат? Ведь каждые четыре года, а то и чаще надо рапортовать партии и стране о семимильных шагах и достижениях. А это значит, что в отчетных докладах места поражениям быть не должно!

* * *

Изучая дело агентурной разработки, Казаченко не мог не отдать должное виртуозной работе своих коллег с Ганнибалом. Хотя кое-где, как патина на бронзе, с течением времени белыми пятнами проступили и промахи наших разведчиков.

Венценосного отпрыска обложили, как «волка флажками». Сотрудники резидентуры фиксировали каждый его шаг через на вербованных в окружении монарха осведомителей из числа гувернеров Ганнибала. Все поступки будущего правителя тщательно анализировались. Постоянным опросам подвергались даже французские проститутки местных борделей, куда престолонаследник заходил, дабы вкушать подпорченных плодов европейской цивилизации, а заодно самоутвердиться в собственном превосходстве:

«Смотрите, я – черный. Вы – белые. Но покупаю вас – Я. И делаю с вами, что взбредет мне в голову».

Принц посещал курсы русского языка при советском посольстве уже полгода, когда вдруг местный репортер-француз предложил нашим дипломатам приобрести у него подготовленную к публикации статью о скандале, якобы приключившемся с сыном африканского «помазанника Божьего». Находясь в публичном доме, тот якобы изувечил французскую проститутку. Статья эта, вместе с фотоснимком Ганнибала, выходящим из борделя, была подшита в деле. За отказ опубликовать разоблачительный материал репортер запросил 15 000 франков (сумма по тем временам, скажем прямо, сумасшедшая!).

По согласованию с Центром притязания щелкопера были удовлетворены. Реноме будущего императора благодаря резервным средствам резидентуры не пострадало.

Казаченко откинулся в кресле. Закурил.

«Что это? Шантаж, инициированный репортером-делягой, который тонко прочувствовал конъюнктуру и решил в одночасье разбогатеть, продав нам компромат на представителя высшей власти Чада? Ну а если допустить, что этот шантаж – составная часть игры, проводимой моими французскими или американскими коллегами? Игры, в которой французика держали за мальчика, подающего мячи? Американцы и французы не могли не заметить возни, которую мы затеяли вокруг принца, так? Так! Допустим, они фабрикуют компромат и через щелкопера предлагают его нам. А для того, чтобы определить, насколько мы дорожим отпрыском, назначают баснословную цену выкупа за отказ от публикации подробностей инцидента. Заплатим, значит, дорожим. А если дорожим, значит, делаем на него ставку. И рассматриваем преемника как будущего кремлевского наместника в Чаде. Логично! Значит, история с изувечением в публичном доме – всего лишь заранее просчитанный и подготовленный ход американцев или французов.

Ладно, – примирительно сказал Казаченко, – американцы, французы... Сейчас это не принципиально. Да и вообще, всё это – лишь гипотезы. Как говорят мои коллеги из французских спецслужб, *“чтобы приготовить жаркое из кролика, надо, как минимум, иметь кошку”*. Был в их распоряжении кролик, или кошка – вот в чем вопрос!..»

* * *

Гипотезы в дальнейшем нашли подтверждение в реальных событиях, описанных в деле.

Условия работы нашей резидентуры, действовавшей с позиции советского посольства в Чаде, осложнялось еще и тем обстоятельством, что император в 1955 году никак не мог определиться в выборе союзников за укрепление собственной авторитарной власти.

Амплитуда колебаний шкалы его идеологических ценностей была непредсказуема. Действительно, спустившись с раскачивающихся лиан, где ты прожил большую часть сознательной жизни, поневоле будешь стоять на ногах нетвердо...

Именно это и случилось с императором. Продолжая играть роль послушного французского сателлита (Чад в то время продолжал оставаться колонией Франции), он вместе с тем всё чаще завороченно поглядывал на северо-восток, туда, где находилась Москва.

Одной рукой он направил своего сына-преемника на курсы русского языка при советском посольстве, другой – в полицейскую школу с инструкторами-французами. И если придворная знать блефовала, указывая в посольских анкетах вымышленное происхождение своих детей, то император сделал решительный ход, указав истинное социальное положение своего сына.

Жест повелителя Чада немедленно стал достоянием Центра. Сотрудники КГБ, они же – преподаватели курсов русского языка при посольстве – взялись за разработку Ганнибала с присущим славянам рвением, присвоив ей кодовое название «БАКЛАЖАН».

* * *

Ганнибал был пытлив и прилежен. Через два года занятий, к началу Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году, он бегло говорил по-русски, отличал пельмени от вареников, успел попробовать черного хлеба и сельди пряного посола под водочку. При этом не преминул отметить, что русские ближе к африканцам, так как изобрели ч ё р н ы й хлеб. В то время, как американцы и западные европейцы – наоборот, изобретением б е л о й туалетной бумаги дистанцировали себя от черных аборигенов африканских джунглей. Еще, со слов принца, ему по вкусу пришлось к р а с н а я икра, напоминавшая ему красные стяги Великого Октября, о которых он столько слышал от своих наставников-преподавателей (читай: офицеров КГБ) на курсах русского языка.

Этими своими замечаниями Ганнибал вызвал неподдельный восторг резидента, который, расценив слова «БАКЛАЖАНА» как приглашение к танцу, немедленно отбил в Центр победную реляцию-шифровку: *«БАКЛАЖАН» созрел. Плод пора сорвать»*.

Что на общедоступном языке означало, что разработка Ганнибала успешно закончена и можно выходить на вербовочную беседу.

«Да! – хлопнув ладонью по делу, вслух сказал Казаченко. – Простодушный подхалимаж из глубины африканских бунгало питоном обвинил разработчиков из резидентуры. Они услышали то, что хотели слышать. “БАКЛАЖАНУ” удалось накормить всю резидентуру семечками в шоколаде, а они решили, что игра уже сделана и рванули к окошку выдачи вознаграждений. Н-да...»

Вновь углубившись в чтение разработки, Казаченко понял, что Центр не разделял оптимизма своих «колониальных» сотрудников, мудро выжидая в тиши и прохладе лубянских кабинетов.

Ответ Центра был неоспорим: *«Обезьяну хорошенько пощипать за розовую попку!»*

Что на общедоступном языке означало, что изучение объекта надо продолжить и впредь скоропалительных решений не принимать.

К открытию Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в июле – августе 1957 года Ганнибал с успехом окончил курсы русского языка и полицейскую школу, проявив недюжинные способности как в лингвистике, так и в оперативно-розыскной деятельности. Русские и французские спецнаставники наследного принца Чада не могли нарадоваться на свое чадо.

* * *

Поиском, но не научным, а оперативным занялись другие. Русочубые парни-крепыши из московской службы наружного наблюдения, приставленные к прибывшему на фестиваль Ганнибалу.

Ознакомившись с его анкетными данными, опера из «наружки» присвоили ему ласковую кличку «КУКУНЯ», не подозревая еще, что он – парень, ну, совсем без «куку», и фору в сто очков даст любому своему опекуну из московской «наружки». Два года в полицейской школе под наблюдением французских инструкторов – это вам не ликбез под названием «Курсы повышения квалификации оперативного состава КГБ при СМ СССР».

Изящную поступь профессионала (на то он и профессионал, чтобы выглядеть безобидно, а уход от «хвоста» обставить так естественно просто, что преследователи сами себя же и будут винить в потере объекта!) наша «наружка» осмыслила далеко не с первых шагов Ганнибала по московской тверди. А уж его московский роман, бурный и молниеносный, с

секретарем Фрунзенского райкома комсомола Аношиной Анной – вообще остался «за кадром» для столичной «наружки».

Однажды, когда до убытия гостя из Москвы оставался один день, «наружке», опекавшей Ганнибала, удалось «срисовать», как он усаживал в машину с дипломатическими номерами посольства Чада в Москве красивую высокую девушку славянской внешности. Происходило это в двух шагах от здания, где располагались РК КПСС, райисполком и РК ВЛКСМ Фрунзенского района.

Машина с девушкой и объектом проследовала на территорию посольства. Бригады затаились поблизости в ожидании выхода или выезда девушки для последующего установления ее личности. Не тут-то было. Девушка не появилась ни через час, ни к вечеру. А утром из ворот посольства «веером», на большой скорости вылетел весь посольский автопарк – всего 5 машин. С зашторенными задними стеклами они бросились врассыпную петлять по переулкам Арбата.

Было ясно: «залповым выбросом» автопарка посольства предпринята попытка «растачить» силы наблюдателей и, таким образом, сохранить инкогнито прекрасной незнакомки. Попытка удалась.

Девушку установили через месяц после отъезда Ганнибала из Москвы.

В подразделении КГБ, где вели дело «БАКЛАЖАН», прочитав первые письма и отправителя, и получателя, оптимистично оценили дополнительно открывшиеся возможности по оказанию нашего влияния на объект оперативной разработки. Еще бы! Ведь «БАКЛАЖАН» влюбился в нашу, доморощенную, гражданку. Да мы через нее вмиг обратим его в нашу, коммунистическую веру.

По замыслу режиссеров-разработчиков, Анне отводилась не последняя скрипка в оркестре. Однако после первой же встречи с Аношиной ведомственный оптимизм поугас. Опрашивавшие Анну интеллектуалы из Лубянской синекуры были нисколько удивлены ее неосведомленностью о статусе «БАКЛАЖАНА» в стране постоянного проживания, о его происхождении и т. д.

Пытаясь выяснить ее намерения в плане возможного переезда из СССР в Чад, оперативники наткнулись на твердый ответ:

«Никуда я из Союза не поеду. Всё сделаю, чтобы Ганнибал переехал жить сюда!»

Такая перспектива перемещения «БАКЛАЖАНА» в физическом и социально-политическом пространстве никак не устраивала Комитет. Нам он нужен был *там*, и только там, но под нашим присмотром. Было принято решение до поры воздержаться от привлечения Анны для участия в мероприятиях по «БАКЛАЖАНУ», пока эмоциональный шлейф, оставленный в душе славянской девушки «черным метеоритом», не перестанет заслонять ей разум, так как было видно невооруженным глазом, что она по уши влюблена.

В беседе выяснилось также, что Анна ждет ребенка и ради него готова поступиться многим, даже перспективами, открывающимися в связи с ее секретарством в РК ВЛКСМ.

Дознаватели поинтересовались, как Анна собирается назвать ребенка. Она ответила, что этот вопрос уже обсуждался с родителями. Ее отец, Аношин Павел Иванович, наотрез отказался давать свое имя возможному внуку. Поэтому Анна решила, что сына назовет именем возлюбленного. Если тот, конечно, не будет против. В письмах они еще об этом договарялись. Ну а если родится дочь – будет Анной...

Контрразведчики, приятно удивленные детской наивностью Аношиной и ее трогательным оптимизмом, на прощание взяли с нее подписку о неразглашении содержания беседы и отобрали визитную карточку «суженого». Но просвещать ее о подробностях происхождения «БАКЛАЖАНА» и его социальном статусе не стали.

Визитная карточка, как и предусмотрительность оперов, пригодятся Казаченко спустя тридцать с лишним лет, при планировании мероприятий по объекту оперативной разработки «ПРОРОК».

В резюмирующей части рапорта контрразведчики охарактеризовали Аношину как волевою, умную, патриотично настроенную, романтично-доверчивую и внешне привлекательную женщину.

Годы мытарств с малолетним темнокожим сыном по общежитиям и коммуналкам вытравят бесследно все перечисленные оперработниками качества. Останутся только воля и ум.

* * *

Дело оперативной разработки «БАКЛАЖАН» Казаченко читал как захватывающий авантюрный роман.

По возвращении принца из Москвы Центром было получено донесение, что он во всеуслышание заявил о своем намерении вместо Сорбонны отправиться на учебу в Московский государственный университет, так как во время пребывания на фестивале встретил и полюбил русскую девушку, на которой собирается жениться.

По данным осведомителей нашей резидентуры, у Ганнибала по этому вопросу состоялся бурный разговор с отцом. Выяснить, чем он закончился, не представилось возможным, однако, по предположению источников, заслуживающих доверия, итоги состоявшихся между отцом и сыном объяснений были для нас неутешительны...

В Чаде после ухода французских колонистов наступил период реакции. Вместе с тем были отмечены признаки усиления американской экспансии в страну, в частности, эмиссаров американских спецслужб, которые располагали достаточно прочными позициями в окружении монарха и способны были оказывать влияние на принятие им решений, касающихся внешнеполитической арены.

12 декабря 1957 года «Фигаро» на первой полосе сообщила:

«Накануне в Чаде, в ходе традиционного обряда глумления над поверженным врагом наследный принц Ганнибал Сесе Секо погиб, поперхнувшись малой берцовой костью съеденного им представителя враждебного племени, и скончался в муках у ритуального костра».

Статья и фотографии поверженного наследника в набедренной повязке из шкур леопарда были подшиты в деле.

«Ни хрена себе! – в сердцах воскликнул Казаченко, едва не выпрыгнув из кресла. – В агентурных сетях КГБ кого только не было: священники и проститутки, дипломаты и гомосексуалисты. Но чтобы людоеды! Что-то я не помню, чтобы в вербовочной практике Комитета государственной безопасности фигурировали каннибалы... А ведь “БАКЛАЖАНА” готовили и обрабатывали именно в целях вербовки. Неужели нашей резидентуре не было известно, что семья императора, и “БАКЛАЖАН” в том числе, балуются каннибализмом?! А я, в свою очередь, собираюсь использовать его сына – “АРАПА” для подставы “ПРОРОКУ”. Генерал говорит, что “четвертой попытки не будет”, а, по-моему, так и третьей может не случиться, если в “АРАПЕ” проснется “голос отцовской крови”, и он с потрохами сожрет “ПРОРОКА”!!»

Вдруг Олега осенило. Открыв дело на той странице, где излагались подробности передачи 15 000 франков французскому репортеру за отказ от публикации компрометирующих «БАКЛАЖАНА» материалов, он сразу всё понял и успокоился. И компроматериалы и очерк в «Фигаро» о трагической кончине каннибала были подписаны одной и той же фамилией: Жан-Мария Лумье! Не было никакого людоедства! Парня просто ликвидировали. Нет, не

парня. Будущего африканского лидера кремлевской ориентации. А мировой общественности дело представили как заурядный эпизод каннибализма.

«Ну что, дескать, с них взять, с этих африканских вурдалаков в набедренных повязках? Жрут друг друга, да и всё тут! Можно сказать, сами себе могилы роют собственными зубами. А мы им еще заводов-фабрик понастроили, школ да больниц понаоткрывали, а они нас, обозвав колониалистами, вышвырнули из страны. При нашей администрации того, что случилось с принцем, не случилось бы никогда. А теперь вот, после нашего ухода, даже заместитель Председателя Народной партии не гнушается поеданием себе подобных. А еще в Парижский университет собирался, упырь чертов! Может, и слава Богу, что к нам не попал!»

Вышеприведенными стенаниями и заклинаниями изобиловал очерк Жан-Мари Лумье.

«Сколько же этот малый получил от американских или французских спецслужб за свой гноеточивый очерк? – задал себе вопрос Казаченко. – Думаю, несравненно меньше, чем двумя годами раньше от нашей резидентуры. А сколько выложили американцы или французы за устранение принца? Это останется за кадром. Ясно одно: мы потеряли неизмеримо больше!

Кроме того, – продолжал размышлять Олег, – в спецслужбах, уничтоживших “БАКЛАЖАНА”, всегда помнили о его поездке в Москву. И для них это был вопрос вопросов: выезжал он туда, чтобы участвовать в праздничных мероприятиях Фестиваля или для того, чтобы пройти спецподготовку под началом инструкторов из КГБ?

Кто знает, – Олег ставил себя на место противника, – может, русские экстрасенсы и гипнотизеры настолько обработали наследного принца, что в Африку он вернулся уже “сложившимся коммунистом”?

Если исходить из этого, то у американцев или французов были причины убрать преемника императора. Посещением Москвы он вынес себе приговор, впоследствии приведенный в исполнение спецслужбами... Похоже, для “БАКЛАЖАНА” поездка на фестиваль стала ознакомительной прогулкой со своим кладбищем...»

– Всё, надо идти к генералу! – вслух произнес Олег, поднимая телефонную трубку прямой связи с Карповым.

Глава четвёртая

Генерал Карпов

Генерал Карпов имел своеобразную манеру выслушивать доклады своих подчинённых. Ни короткого кивка головой в знак одобрения, ни поцокивания языком в случае несогласия с аргументацией. Он неподвижно молчал, глядя в упор на собеседника. Хотя о каком собеседовании может идти речь? Ведь собеседование предполагает взаимный обмен репликами. В нашем же случае был просто монолог. Если бы было возможно поставить на «прослушку» кабинет Карпова (а, думается, ни одна из иноразведок перед таким соблазном не устояла бы!) «слухачей» поначалу обескуражило бы то обстоятельство, что в тиши начальника кабинета некто – отнюдь не хозяин – дискутирует сам с собой. Приводит «за» и «против», распаляясь, доказывает, опровергает, одним словом, пытается убедить самого себя в собственной правоте. Ну не параноик ли туда забрел?

Генерал, как опытный наездник, отпускающий повод скакуна перед взятием им препятствия, давал выговориться докладчику до конца, даже если творческое воображение оперативника разгуливало по самому краю еретической пропасти. Роль шенкелей выполнял взгляд Карпова, которым он горячил подчиненного. Взгляд то загорался озорными лукавыми искорками, то становился безразличным.

Опытные сотрудники, проработавшие с Карповым не один год, следили за выражением его глаз, время от времени корректируя свой доклад: «Сейчас меня занесло! А это – уже “в тему”! Так, а это – не интересно!»

Действительно, глаза любого начальника – два верных лощмана подчиненных. Разумеется, если у этих подчиненных развиты «флотоводческие навыки». По ним (глазам) безошибочно можно определить: идешь ли ты в фарватере замыслов шефа, совпадают ли твои умозаключения и доводы с настроением и видением проблемы твоего командира. И, надо сказать, некоторые так преуспевают в чтении по глазам своего начальника, что зачастую выдают ему не действительное, а им желаемое. В итоге – взаимный обман. Обоюдный гипноз.

За время общения с Карповым Олег сделал для себя вывод, что тот на практике реализует закон Паскаля – *«Опереться можно лишь на то, что сопротивляется»* — позволяя младшим по должности и званию оспаривать и даже (о, вопиющее нарушение постулатов субординации!) критиковать его, генеральскую, точку зрения. Карпов отрицал иерархический образ мышления, считая, что каждый имеет право на собственное умозаключение, вывод, более того, имеет право не только их оглашать, но и отстаивать! Генерал терпеть не мог юбилейно-панегирических отчетов и докладов. Вместе с тем, исподволь, ненавязчиво приучал подчиненных действовать нестереотипно, в работе импровизировать, а не действовать в такт приказам и инструкциям-однодневкам или блажи вышестоящих руководителей.

Карпов никогда не допускал грубости в адрес нижестоящих чинов – рядовых оперработников. Однажды, услышав отзыв о своем коллеге-генерале: «груб, но справедлив», – поправил собеседника, заявив:

«Неверно! Тот, кто прав по существу, всегда должен быть прав и по форме».

Когда генерал Карпов приходил к выводу, что творческий ресурс вновь принятого подчиненного ограничен или, того хуже, отсутствует вовсе, избавлялся от такого оперативного сотрудника незамедлительно: переводил в смежное подразделение, направлял «на усиление» в московские райотделы, а то и «на повышение» за пределами столицы. Заметив у подчиненного, пусть даже небесталанного, карьерную алчность, делегировал его в партийные органы Комитета.

Одним словом, подчиненных, которые не укладывались в его, карповское «ложе», он провожал с почестями – так обветшалую икону раньше клали на воду, доверяя ее течению реки.

Случалось, что Карпов, как Христос, оставался в пустыне с последними учениками – наиболее опытными сотрудниками. Вознаграждение, то есть пополнение высокой пробы, если и ждало его, то много времени спустя. Но уж оставшихся в результате тщательной селекции Карпов заставлял не работать – пахать. Поблажки, любимчики, наущничество, так почитаемые в других подразделениях, в Службе генерал-майора Карпова отсутствовали.

Считая, что безгрешные пребывают лишь в раю, всем упрекам в адрес своих сотрудников он выставлял труднооспариваемые аргументы: «оперативного сотрудника надо ценить за достоинства, а не за отсутствие недостатков» и «мой опыт подсказывает, что люди, лишенные недостатков, часто не имеют и достоинств».

Были у Карпова и другие способы оправдать своих подчиненных, дело в конце концов не в этом. Дело в другом: их он в обиду не давал, за что был любим рядовыми операми беззаветно, а кадровиками и партийными бонзами Комитета ненавидим до боли в желваках. Кадровики, как только в службе Карпова открывалась вакансия, требовали ее заполнения, протезируя отпрыскам партийных вельмож, в лучшем случае, родственникам известных ветеранов-чекистов. Просьбам кадровиков генерал не противился и с порога их не отвергал. Профессионально-родовая преемственность, трудовые династии, в которых составными являлись дед-отец-сын, могут иметь место и в системе госбезопасности. Почему бы и нет? Понятно и стремление многих оперативников попасть в элитное сообщество, коим являлась Служба Карпова. Но каждого, предложенного кадрами «именитого» кандидата он предварительно изучал на расстоянии. Благо, что были у него не только завистники и недоброжелатели. Надежных товарищей из числа высших офицеров Комитета, на которых он мог опереться, тоже было немало. И если Карпов в сосватанном сотруднике отмечал обездвиженность оперативной мысли, инертность поступков, профессиональную дряблость, то отказывал бескомпромиссно.

Коллеги Карпова считали, что не только ум, врожденный вкус к оперативной работе, тяга к просчитанному риску и отсутствие высокомерия сделали его кумиром целого поколения оперативных сотрудников. Они подозревали, что за бескомпромиссностью генерала скрывается «высшее благоволение» и поддержка председателя – Юрия Владимировича Андропова. И были правы в своих подозрениях.

Глава пятая

И вновь о «Пророке»

Генерал Карпов трезво оценивал ограниченные возможности использования в интересах своей службы избалованных отпрысков номенклатурных работников. Тянулись они в его Службу, наивно полагая, что это – именно то место, куда дождем осыпаются ордена, почести, денежные премии, заграничные командировки.

Работа в Службе виделась им сплошной каруселью дипломатических раутов, где, походя, рассеянно – за рюмкой коньяка – проводятся вербовки послов, министров, военных атташе. В перерывах между приемами и коктейлями совершаются лихие похищения офицеров генеральных штабов иностранных держав. А после удачно проведенной акции можно оттянуться в обществе юных длинноногих блондинок где-нибудь на Канарах или в Рио-де-Жанейро. И всюду, конечно, хруст новеньких банкнот, аромат французских духов и дорогих сигар, хлопанье открываемых бутылок шампанского, подбострастие прислуги.

«Сынкам» и невдомек было, что все оперативные находки зиждятся, как на постаменте, на терпеливых задницах подчиненных генерала Карпова, а в полученные ими ордена вплавлены их собственные кровь, пот, нервы. Да разве объяснишь, да разве поймут...

Выслушав доводы Казаченко в пользу привлечения капитана милиции Ганнибала Аношина к разработке «ПРОРОКА», Карпов надолго задумался.

– Что-то не так, товарищ генерал?

Рискнул прервать затянувшиеся начальственные размышления Олег.

– Нет-нет, – мгновенно отреагировал шеф, – просто хочу прояснить кое-что. Сдается мне, что, привлекая «АРАПА» к сотрудничеству, мы находимся в положении, которому дали определение итальянцы: «за неимением лучшего приходится спать со своей женой». Выбора действительно нет. Как, впрочем, и времени для выбора. У нас в обойме всего один патрон – «АРАП». А если этот патрон окажется холостым? Уж больно наш кандидат понятен и чист, как образцовая анкета, как месткомовская характеристика... Справится ли он с заданием? Всякий оперативник – режиссер, ясно представляющий, *какая* надо сыграть роль. Но не всякий режиссер сам с этой же ролью может справиться... Обладает ли Аношин достаточной фантазией для принятия авантюрных решений? Ситуация может сложиться далеко не христоматийная... Ты оставь-ка мне все документы, а завтра я тебя вызову... Начальство мне уже в затылок дышит с этим «ПАКЕТОМ», будто он только-только появился на натовских судах! Чудны дела твои, Господи... Ладно, ступай!

Глава шестая

Нет ничего тайного, что ни стало бы явным

ЕГО ночные вылазки к окнам женского общежития продолжались уже несколько месяцев. Как правило, они приходились на ночи полнолуния или им предшествующие. Иногда на ночи, следовавшие за полнолунием. В другие же дни и вечера *ОН* с абсолютным спокойствием, даже безразличием, проходил мимо открытых окон. Свет их приобретал роковую притягательность лишь в означенный период.

Самое замечательное заключалось в том, что *ОН*, вопреки заведенному правилу, ставшему со временем его «alter ego», даже не пытался подвергнуть анализу своё поведение и то, что с ним происходило. Не то, чтобы не пытался. Ему такая мысль даже в голову не приходила. Не испытывал *ОН* и угрызений совести. Ни перед собой, ни перед женой. Как если бы это происходило не с ним, а со знакомым ему человеком. При всём том *ОН* всё помнил. Хотя эти воспоминания были лишены всяких красок и эмоционального фона. Лишь статистические зарисовки, не более. Однако по мере приближения полнолуния подсмотренные им картины извращенной любви приобретали цвет, звук. Они будто бы просыпались, оживали. Но теперь они жили не сами по себе, а в его воображении и сознании. Не отдельно от него, но вместе с ним. Ожившие, они как омут, манили, затягивали. И не было никаких человеческих сил им противиться...

Теперь на лесбийский спектакль *ОН* выдвигался под предлогом выгула Султана. Удобно. И жена спокойна, и кобелю дополнительная прогулка. С другой стороны, при таком матером охраннике следить за развитием сексуального шоу было просто безопаснее. И вот почему. Однажды ночью он выяснил, что из порочного родника черпает не *ОН* один. Оказалось, что у него есть подельники, или скорее конкуренты.

В очередной раз после затянувшейся за полночь Коллегии он возвращался на служебной машине домой. Расставшись с водителем, как обычно в начале Гоголевского бульвара, *ОН*, теперь уже торопливо, двинулся по проторенному маршруту.

Ознакомившись на месте с обстановкой и удостоверившись, что вокруг всё спокойно, а секс-труппа на месте, *ОН* нырнул за угол, чтобы принести ящики.

«Партер, первый ряд, третий звонок, занимайте ваши места, господа... Тореадор, смелее в бой, торе-а-а-доррр», – мурлыкал он себе под нос, устанавливая свой помост. Ведь, если разобраться, то составной частью рампы можно считать не только мраморный банный столик, где выступали трое, а иногда – четверо жриц однополой любви, но и его самого, балансирующего на импровизированных подмостках.

Окна душевой располагались высоко от пола, почти под потолком, поэтому всё, что происходило внизу, – было обозримо, как на ладони. А риск для наблюдателя быть разоблаченным сводился к нулю, так как окна находились над головами девиц, а им, занятым похотливым промыслом, было недосуг поднимать головы к небу.

В этот раз что-то не заладилось с самого начала. Разгадка наступила скоро.

«Зинка! – заорала старшая из девиц. Сколько раз тебе говорить, чтобы ты мохнатку подстригла!? Я тебе ковырять не буду. У тебя волосы клочьями лезут. Прошлый раз у меня полный рот был твоих волос, я чуть не блеванула»...

«Кончай привередничать, лимита! Давай за работу, зрители на месте... У них уже яйца от напряжения звенят», – в азарте прошептал *ОН*.

Наконец, лесбиянки начали боевое построение: разобрали подходящие места, приняли удобные для себя и партнерш позы (на этот раз выступал «квартет»), по команде старшей принялись ритмично двигаться, распая друг друга истощными воплями и стонами.

«Квартет» только начал входить в экстаз, когда вдруг *ОН* почувствовал, что кто-то держит его за полу пиджака. Увлеченный до самозабвения зрелищем. *ОН* резко обернулся, едва не потеряв равновесие, ибо напрочь забыл, что стоит не на тротуаре, а, как кур на жердочке, находится между небом и землей.

«Старик, ты всё не съешь, давай, слазь! Пора местами поменяться».

У основания пьедестала стояли два дюжих «бычка». Глянув на их безусые лица, *ОН* привычное обращение «старик» воспринял на свой счет слишком буквально, обиделся, но покорно освободил подмости. Не ушел. Остался стоять. Может, рассчитывал получить контрамарку на второй сеанс? Увы! Окна через минуту погасли. Незнакомцы спрыгнули вниз.

«Ну что, сладкоежка, накушался? – обратился к *НЕМУ* один из пришельцев. – Пойдем, сдрочим втроем»...

«Да, нет, ребята... я по другой части, – промямлил *ОН*, – я не дrouchу...»

«Да, ладно, гимназист... в натуре... Один раз – еще не пидорас... Пошли!.. – и “бычок” попытался взять *ЕГО* под руку. – Вона, рядом во дворе»...

Вечер явно не удался. Мало того, что сеанс не имел «мокрого конца», а тут еще эти... Дрочильники! *ОН* резко отпрыгнул на проезжую часть переулка.

«В общем так, – сказал *ОН*, вытаскивая из нагрудного кармана пиджака нереализованный червонец на обед, – вот вам на бутылку, а я пошел»...

«Да ты чо, дядя, в натуре?..»

ОН бросил деньги себе под ноги и, что было духу, пустился наутек. Сзади раздались гогот и улюлюкание...

На следующий вечер, взяв Султана на поводок, *ОН* попытался найти запасную «посадочную площадку». Однако, к его искреннему разочарованию, в округе больше не было общежитий.

«Что ж... Телефонистки и почтальонши, я возвращаюсь к вам, но не один, а с другом... Да, Султанчик? Трепещите, лимита!»

ОН потрепал пса за холку и решительно зашагал к общежитию Министерства связи.

Закончилось посещение спектаклей также неожиданно, как и началось.

Однажды ночью *ОН* усадил Султана под окнами, а сам направился к пивной за ящиками. Не успел *ОН* сделать и двух шагов, как за спиной раздалось приглушенное повизгивание, и пес, радостно помахивая хвостом, сорвался с места и растворился в темноте переулка.

«Султан, ко мне!»

Не раз и не два выкрикивал *ОН* команду. Пес исчез. А в переулке призывно светились вожделенные окна, из которых стали раздаваться хлопки открываемых бутылок с шампанским, задорные возгласы и девичий смех. Карнавал похоти начинался...

«Нет, это невозможно пропустить!» – сказал *ОН* и взгромоздился на ящики.

Дома он застал притихшую жену и выжидательно настороженный взгляд Султана. Обычно *Енотик* уже спала в это время. А как Султан оказался здесь? Неожиданно его осенило. Доказательство правоты своей догадки он нашел в глазах своего любимого *Енотика*. Нет, в них не было укора – только безграничная грусть и сожаление...

– Дорогой, я знаю всё... Тебе надо проконсультироваться, нет, пройти курс лечения... У Ланы есть хороший знакомый, психоневролог с мировым именем... Он практикует на дому... Никто ничего знать не будет... Всё останется между нами... А Султан нас не выдаст... Да, Султанчик? – *Енотик* потрепала пса по холке.

– Султан не выдаст? – насмешливо спросил *ОН*. – А сегодня?

– Это я сегодня допустила ошибку... Зашла не с подветренной стороны... Прошу тебя, так больше не может продолжаться. Ты обязан побывать у профессора, у Владимира Львовича. Он гарантирует сохранение в тайне и диагноз, и сам курс лечения... Знаешь, у него в своё время перебивали чуть ли не все секретари ЦК, генералы, известнейшие актеры...

Енотик назвала несколько громких имен, правда, уже умерших людей.

– Владимир Львович – светило в своей области. Даже Джуна приезжала к нему советоваться...

– Вот-вот, – парировал *ОН*, – а потом профессор запишет в свой актив мою фамилию, и будет козырять ею в рекламных целях. Ну, может, не он сам, а чья-то жена... Как ты вот сейчас...

– О чём ты говоришь? Не в интересах профессора распространяться о своей клиентуре. Во-первых, потому, что он берет с пациентов огромные деньги... Практикует частным образом... У него сразу же возникнут проблемы с налоговыми органами... Во-вторых, каждый потенциальный пациент, услышав от Владимира Львовича чью-то известную фамилию, насторожится, предположив, что и его имя будет предано огласке при рекрутировании новых пациентов... Нет-нет, тайну лечения Владимир Львович гарантирует не из добродетельных побуждений, и не потому, что заиклен на клятве Гиппократы... Ну, не будет же он рубить сук, на котором так безбедно сидит... Частная практика – его единственный и обильный источник дохода... Да ты и сам увидишь... Не дом – дворец... Полная чаша... Он разве что только бессмертия не имеет.

– Ты уже была у него?

– Да... Лана отказалась вникать в наши... то есть, в *т в о и* проблемы... И настояла, чтобы я напрямую обратилась к профессору...

«Ну что ж, – прикинул *ОН*, – сходить можно. Разок. На разведку. Как это недавно мне один щенок сказал? А, ну да! “Один раз – еще не пидорас!”»

– Согласен. Когда?

– Да хоть завтра... то есть уже сегодня... Вот его телефон. Скажи, что от Ланы... Ты можешь даже имени своего не называть... Профессор готов тебя принять, а там – решай сам...

Енотик украдкой утерла слезу.

«Надо идти. Хотя бы для того, чтобы не делать любимому *Енотику* больно». – принял решение *ОН*.

– Иду, сегодня же!

Глава седьмая

«Пакет» особой важности

В конце 1960#х советской разведке от закордонной агентуры стало известно, что на борт торговых судов, принадлежавших странам-участницам блока НАТО, поступил некий свод секретных документов, условно названный «ПАКЕТ». Его появление наши аналитики связывали с обострением военного противостояния между США и НАТО с одной стороны, СССР и стран Варшавского договора – с другой.

Признаками присутствия секретного «ПАКЕТА» на борту являлись:

а) судно предназначалось для транспортировки материалов стратегического назначения (нефть, руда, и т. п.);

б) лайнер должен был иметь современное оснащение, а его водоизмещение – не менее 20 тысяч тонн;

в) опыт безупречного мореплавания капитана и первого помощника – не менее 10 лет.

Вместе с тем «ПАКЕТ» отсутствовал на тех судах (даже если они отвечали перечисленным требованиям), где капитан или его первый помощник были по национальности греки. Всё-таки – православные. По мнению руководства НАТО, русским проще было подобрать ключи к грекам-единоверцам.

По имевшимся данным, «ПАКЕТ» содержал детальное предписание, которое регламентировало действия судна и команды в случае возникновения ядерного конфликта: в нём были перечислены морские базы, банки и финансовые институты явных или до поры законсервированных союзников Североатлантического блока, которыми необходимо воспользоваться при наступлении дня «Д».

Кроме того, «ПАКЕТ» содержал блок документов-рекомендаций, как избежать интернирования при нахождении в портах СССР и его союзников; какие меры нужно предпринять, находясь в нейтральных водах, при встрече с советскими субмаринами; вероятные маршруты перемещений в Мировом океане. Наконец, в нем находился шифрблокнот с натовскими кодами, действительными в течение года.

Словом, в «ПАКЕТЕ», как в волшебном ларце, было собрано всё то, что успели выдать на-гора стратеги-теоретики, то за чем охотился и по крупницам выбирал Комитет государственной безопасности СССР из неводов агентурной и технической разведки. Он, без преувеличения, являл собой материальный плод работы многих спецслужб стран главного противника и их научно-исследовательских учреждений.

Утрата «ПАКЕТА» или его вскрытие без санкции высшего руководства НАТО приравнялись к совершению государственного преступления и карались по законам военного времени. Виновным грозил длительный срок тюремного заключения с конфискацией имущества.

Завладев «ПАКЕТОМ», КГБ смог бы открыть для себя много нового не только о потенциале, которым располагал противник, но и оценить степень его осведомленности о наших приготовлениях к гипотетичной войне. Эта информация, не только помогла бы усовершенствовать методы зашифровки советских военных программ и приготовлений, но и перекрыть каналы, по которым происходит утечка наших секретов.

По мнению руководства КГБ, содержавшаяся в «ПАКЕТЕ» информация стоила того, чтобы не экономить на способах её приобретения. Вместе с тем, заполучив её, надо было добиться, чтобы противник оставался в неведении о нашем «прозрении», так как нет в мире ничего неизменного и натовские стратеги, узнав, что сверхсекретный «ПАКЕТ» побывал в наших руках, могли бы внести изменения в свои предписания и инструкции к наступлению дня «Д» – началу ядерной войны.

Профессионалы Комитета госбезопасности были убеждены, что лучшим способом сохранить в тайне от противника нашу осведомленность в его секретах, явилось бы установление долгосрочных агентурных отношений с лицом, которое мы сумеем вынудить или соблазнить к передаче «ПАКЕТА».

В целях выявления контактов с советскими спецслужбами должностные лица, допущенные к вскрытию «ПАКЕТА», находились под неусыпным присмотром местной контрразведки, регулярно подвергались проверкам и тестированию, в том числе и на полиграфе.

В общем «ПАКЕТ» стал объектом первоочередных устремлений КГБ СССР и спецслужб стран Варшавского договора, в чьи порты заходили суда указанной классификации. Когда Комитет возглавил генерал Крючков, провозглашенная Андроповым доктрина под названием «Не просмотреть войны!» получила новый импульс, и усилия разведывательных и контрразведывательных подразделений завладеть «ПАКЕТОМ» приняли маниакальный характер.

...За два десятка лет до описываемых событий с одним английским судном в советских широтах Баренцова моря случилась трагедия. Корабль ночью в шторм напоролся на невесть откуда взявшиеся льдины, получил пробоины и затонул. Ближе всех к месту катастрофы оказались наши эсминец и подводная лодка, возвращавшиеся с боевого дежурства. Они поспешили на призывы о помощи «SOS», но всё было кончено ранее их прибытия в квадрат. Удалось спасти только двух членов экипажа, которые вскоре скончались от переохлаждения. Один из них, помощник капитана, в бреду постоянно повторял слово «ПАКЕТ».

По прибытии на базу, подробности спасения двух англичан были доложены командиром эсминца по команде. Два часа спустя в Москве уже знали о затонувшем судне *всё*, как знали и о предсмертных словах помощника капитана. Потерпевший крушение английский рудовоз подпадал под классификацию судов, имеющих пресловутый «ПАКЕТ». Не было счастья – да несчастье помогло. Казалось, протяни руку и Жар-птица твоя.

В Мурманск из Москвы вылетели высшие офицеры директивных подразделений КГБ. Из числа военных водолазов сформировали бригаду. Утром следующего дня, несмотря на шторм, вышли в открытое море. Обследование затонувшего корабля с подводной лодки дало утвердительный ответ о возможности доступа водолазов в жилые помещения и капитанскую рубку. На нашу удачу рудовоз затонул на мелководье. Многочасовые подводные работы дали результаты: на борт нашего боевого корабля были подняты несколько трупов членов команды и сейф капитана.

Действительно, так называемый «ПАКЕТ», покрытый полихлорвиниловой оболочкой и снабженный восковой печатью, находился среди других судовых документов.

«Вскрыть!» – приказал старший московской экспедиции охотников за натовскими секретами сгрудившимся вокруг стола генералам.

Как только самый младший по должности – начальник мурманского Управления КГБ – ножницами вспорол синтетическую упаковку, «ПАКЕТ» вспыхнул ярчайшим белым пламенем.

«Ложись!» – крикнул старший.

Через пару секунд ослепленные в буквальном смысле слова генералы смогли различить на опаленном зеленом сукне стола дымящуюся оболочку со щепоткой пепла внутри.

«Как в крематории...» – раздался чей-то голос в гробовой тишине.

«Сгорели!» – добавил другой.

Неизвестно, относилось ли это к документам в «ПАКЕТЕ» или к самим генералам.

Карьерная алчность и доложенческий пыл возобладали над осторожностью, Жар-птица взмыла ввысь, оставив обугленное перо на прожженном сукне стола...

Шли годы, уходили в запас и отставку полковники и генералы, руководившие мероприятиями по добыче «ПАКЕТА», а его начинка так и оставалась для нас тайной за семью печатями. Морские просторы бороздили натовские суда, чьи сейфы были «обременены» сверхсекретной информацией.

«Должен же быть “некто”, – считали в центральном аппарате Комитета, – кого можно с о б л а з н и т ь или в ы н у д и т ь ею поделиться».

Поступил безоговорочный приказ:

«Добыть!»

Служба, возглавляемая генералом Карповым, как раз и занималась координацией этого добывания.

Тонкую ниточку клубка под названием «ПАКЕТ», даже не ниточку – паутинку, казалось, уже держали в руках. Этой паутинкой был «ПРОРОК». Дело было за малым: надо было склонить (не исключался и психологический прессинг) его к «жесту доброй воли» – выдаче «ПАКЕТА».

Глава восьмая «Пророк»

21 октября 1969 года бригадный генерал Мохаммед Сиад Барре во главе группы преданных ему офицеров армии Сомалийской республики совершил военный переворот, сверг и умертвил всенародно избранного президента, провозгласив себя Верховным правителем, но уже Сомалийской *демократической* республики. Большинство находившихся за пределами страны сомалийских дипломатов, курсантов военных училищ, слушателей военных Академий, студентов высших учебных заведений не приняли авторитарного режима Барре и не вернулись в Сомали. Многие высокопоставленные чиновники администрации свергнутого президента с семьями спешно покинули страну в направлении прежней метрополии – Италии.

Как правило, и «невернувшиеся», и «покинувшие» руководствовались в своём неприятии удерживаемой штыками послушной армии новой власти не только политическими соображениями. Чаще потому, что принадлежали к другому, нежели самозванец Барре, тейпу.

Сомалийская Октябрьская революция застала Мохаммеда Али Самантара, слушателя третьего курса Бакинского высшего военно-морского училища, в Риме, куда он прибыл по вызову своего отца, советника-посланника Сомали в Италии.

Отцу – Али Осману Самантару – симпатизировал и покровительствовал низложенный президент. В силу этого, да и других обстоятельств, он автоматически перешел в ряды противников режима Сиада Барре.

Указом президента-узурпатора Али Осман был смещен с должности заместителя посла и лишен, как и его семья, сомалийского гражданства и всего имущества на территории Сомали. Таким образом, одним росчерком пера Али Осман лишился своего основного источника существования – поступления денежных средств от продажи тысяч голов бродивших по просторам Сомали верблюдов и крупного рогатого скота. Из богатого человека, влиятельного дипломата, почитаемого римскими бонвиванами (из-за привлекательности троих дочерей и устраиваемых в их честь приемов), он в одночасье превратился в нищенствующего чернокожего, коим в Италии несть числа.

В тот же день Али Осман рассчитал личного шофера, врача, повара, садовника и прочую челядь, населявшую его дом в центре Рима.

Бывший дипломат без иллюзий смотрел в будущее. Он не обольщался насчет обустройства личной жизни своих дочерей. При всём том, что каждая из них могла составить конкуренцию многим западноевропейским фотомоделям, спросом чернокожие дивы в Европе уже не пользовались.

Но самое большое беспокойство Али Османа вызывала судьба единственного сына и продолжателя фамилии и рода – Мохаммеда Али Самантара.

В 16 лет мальчик окончил в Могадишо итальянскую школу. Сдал экзамены экстерном, получил аттестат с отличными оценками. После прошел конкурсный отбор придирчивых русских советников и был направлен в Бакинское высшее военно-морское училище. Советские военные наставники прочили Мохаммеду блестящую карьеру в сомалийских ВМС, видели в нём будущего командующего сомалийским флотом, адмирала. Первого адмирала-сомалийца!

Ах, если бы не этот выскочка – генерал Барре!

Вызвав сына в Рим, Али Осман поставил наследника перед выбором: окончить училище в СССР и получить диплом, который закроет ему двери в Военно-морские силы Западной Европы. Или, бросив училище, устроиться в торговый флот Италии. Последнее было вполне реально благодаря полученным Мохаммедом флотоводческим навыкам и теоретиче-

ским знаниям в Бакинском училище, а также, что немаловажно, обширным, и еще действующим, связям его отца – Али Османа.

Доводы отца были бесспорны. То обстоятельство, что семья Али Османа была лишена сомалийского гражданства, было решающим. Выбор был минимальным: либо немедленно устроиться на какое-либо итальянское коммерческое судно в должности помощника капитана, либо, окончив Бакинское училище, остаться офицером без звания, без должности и без флота.

Мохаммед Али Самантар был равно эмоционален и рассудочен.

Первое, что он сделал, – принял предложение умудренного опытом отца.

Затем – напился. Благо, питейных заведений в Риме хватает. А почти три года, проведенные в Бакинском училище, научили мусульманина Мохаммеда пить русскую водку и есть свиную колбасу.

Надо сказать, что лучшего питания и снеди Мохаммед – по его собственным оценкам – ни до ни после ухода из Бакинского училища, не пробовал.

По-человечески младшего Самантара можно понять. Он не состоялся как адмирал. А ведь русские на похвалы отнюдь не щедры. Да и сам курсант видел: то, что ему удавалось с первого раза, было недоступно его сокурсникам-сомалийцам и с третьего. Мохаммед, по независимым от него обстоятельствам, принял к о н т р а с т н ы й душ: из-под теплых лучей обожания своих русских наставников и перспектив продвижения по службе в сомалийских ВМС, он чуть было не попадал в сырую яму нищеты.

Каждый человек приходит в этот мир, как письмо до востребования. Востребует его мир – и он состоится как личность, а не востребует... Мохаммеда не востребовали как флотоводца, как адмирала сомалийских ВМС. И виной тому – решение президента Сомалийской демократической республики – Сиада Барре. Как Мохаммед Али Самантар должен был относиться к узурпатору? В будущем же, узнав, что генерала поддерживает военными поставками Советский Союз, Мохаммед Али круто изменил своё отношение к СССР. Больших врагов, чем русские, Мохаммед Али Самантар теперь не знал. Танки, пушки, корабли, самолеты – Сиаду Барре только для того, чтобы удержать его у власти? А искореженные судьбы несостоявшихся адмиралов и генералов? Нет, этого простить Советам Мохаммед Али Самантар был не в состоянии!

Вчитываясь в документы оперподборки «ПРОРОК», Казаченко не переставал удивляться зигзагам судеб людей, о существовании которых не мог и подозревать.

Готовясь идти на доклад к генералу Карпову, Олег составил справку по изучению объекта оперативной подборки «ПРОРОК» – Мохаммеда Али Самантара, в которой, в частности, отметил:

Первое. В поведении сомалийца прослеживается комплекс невостребованности. Исполняя на итальянских коммерческих судах должность первого помощника капитана около двадцати лет, он отдавал себе отчет, что из-за своего происхождения никогда не станет капитаном. К должности ли первого помощника готовил себя Самантар, несостоявшийся адмирал сомалийских ВМС?

Второе. По агентурным данным, объект постоянно высказывает в своём окружении недовольство своим статусом. Искренне сожалеет о безвременной кончине своего отца. Негодует по поводу праздности, в которой проживают его сестры, полностью находящиеся на его содержании. Заходя в иностранные порты, ведет разгульный образ жизни, злоупотребляет спиртным.

Третье. Самантара преследует хроническое безденежье. Из-за отсутствия денег он не может устроить свою личную жизнь, вынужден принимать предложения на рейсы, которые сулят наибольшие гонорары, но не приносят удовлетворения чувству собственного достоинства флотоводца.

«Не на этом ли “зацепить” “ПРОРОКА-флотоводца”?» – подумал Олег, но тут же отверг идею – «ПРОРОК» догадался бы, что деньги предлагают Советы. Ибо, «ПАКЕТ» – собственность НАТО и США. Кто еще может за ним охотиться? Кроме русских, никто. А учитывая негативный настрой объекта к нам, было бы неразумно идти на столь рискованный шаг. Рвать паутинку, ох, как не хотелось!

«Нет, деньгами его не возьмешь, – решил для себя Казаченко. – Кроме того, “ПРОРОК-флотоводец” – отпрыск знатного рода. У него может проснуться самолюбие нищенствующего аристократа: “Что мне деньги? Честь дороже!” – Нет, надо искать что-то другое».

Следующий блок материалов оперативной подборки подсказал Олегу, в каком направлении искать подход к иностранцу. Вот оно – четвертое!

Четвертое. По данным наших источников «ПРОРОК» в конце 1980#х подружился с человеком сходной судьбы. Пьер Бенжамин, выходец из аристократической семьи, также подвергся гонениям после свержения законной власти в Сьерра-Леоне.

Пьер окончил Одесское военно-морское училище. Как и Мохаммед, грезил адмиральскими погонами и, возможно, стал бы им, если бы не государственный переворот на его родине.

Ощущение собственной не востребованности и ущербности легли в основу их отношений, переросших затем в настоящую дружбу.

Взлеты судьбы разъединяют – объединяют схожие несчастья.

Сдружились. Но судьба распорядилась по-своему. Пьер, выполняя коммерческий рейс, погиб во льдах Арктики.

«Это – то, что нужно! – Казаченко жирнофломастерно подчеркнул абзац, – “АРАП” заменит Пьера Бенжамина!»

Глава девятая

План выемки «пакета»

– Полковник, – обратился Карпов к сидящему напротив Казаченко, – с вашими выводами по справке я ознакомился... Анализ, достойный нового заместителя начальника Службы... Удивляюсь, как до вас аналитики не пришли к нужному выводу...

В голосе генерала звучала нескрываемая ирония.

– Впрочем, дело не в этом... Вам кое-что удалось... Поддерживаю ваши предложения, но...

Карпов сделал паузу, продолжая по-кошачьи передвигаться по кабинету.

– Скажите, как может Аношин сдружиться с Мохаммедом Али за три дня его пребывания в Новороссийске настолько, что... Нет-нет, я полностью согласен с вашим предложением... Действительно, сегодня лучшей кандидатурой, чем «АРАП», для использования по объекту мы не располагаем, НО...

Генерал опять сделал многозначительную паузу.

– Заметьте, с Пьером Бенжамином объект осваивался не один месяц! По-вашему же выходит, что за три дня общения с «АРАПОМ» «ПРОРОК» настолько проникнется к нему дружескими чувствами, что выдаст ему «ПАКЕТ»? Кроме того, насколько я понял из вашей справки, Олег Юрьевич, «АРАП» на целых десять лет моложе объекта...

– Да, это так, товарищ генерал, но я думаю, что в данном случае возраст – не помеха! На мой взгляд, «АРАП» на голову выше «ПРОРОКА». Школу милиции окончил, имеет приличный стаж оперативной работы, наконец, что немаловажно, – у него огромный опыт общения с иностранцами, он же в УВИРе ими занимается... Его и инструктировать не надо... Дать приказ – и всё тут! Помимо всего прочего, товарищ генерал, оба они – африканцы... Ну, «АРАП» – только наполовину, и тем не менее они могут, нет! – должны сблизиться ввиду своих африканских корней...

– Приказ мы давать не можем. У твоего «АРАПА» своё начальство есть... Хотя я не сомневаюсь, что председатель вопрос с МВД решит... Проблема в другом – времени мало... Растягивать дружбу «АРАПА» с «ПРОРОКОМОМ» на месяцы, как это было у него с парнем из Сьерра-Леоне, нам никто не позволит... Там, – генерал указал на потолок, – требуют немедленных результатов... Тебе не приходило в голову, что мы можем организовать катализатор?

– Катализатор?..

– Ну, скажем, организовать какую-нибудь нестандартную ситуацию, чтобы вынудить «ПРОРОКА» пойти на моментальное сближение с «АРАПОМ»... Как считаешь?.. Вокруг «ПАКЕТА» Центр рыщет уже двадцать лет... Представь мы наши предложения – руководство Комитета деваться будет некуда!

– Я свои соображения изложил в справках...

– А я с в о и изложу тебе устно! – Карпов потер руки и сел за стол. – Слушай! Потом составишь рапорт на моё имя, а я подпишу...

– Спасибо, товарищ генерал-майор! День рождения у меня еще не скоро...

– Ершистый ты, Казаченко... Избаловал я вас... Я свой капитал уже нажил, а тебе ещё только предстоит... Впрочем, слушай и запоминай. А насчет подарка ко дню рождения – ты не прав. Не тебе – нашей Службе и Комитету подарок...

– Если это – приказ...

– Приказ!

* * *

Слушая генерала, Казаченко был откровенно восхищен простотой и, без преувеличения, гениальной находчивостью шефа.

В октябре в Новороссийской бухте, – а «ПРОРОК» должен был прийти туда 12 октября – изрядно штормит, значит, каждое прибывающее судно, чтобы закрепиться на рейде, будет беспрестанно передвигаться в траверзе порта, штурман не станет отмечать на судовой карте все детали маневров корабля. А по памяти восстановить их невозможно. Это – первое условие, залог успеха операции!

Второе. Натовской разведке известно, что по дну Черного моря пролегает кабель стратегического назначения, идущий от Штаба Краснознаменного Черноморского флота в Севастополе до военно-морской базы в Потии. В штаб-квартире Североатлантического блока допускают, что он проходит через Новороссийск, но точно об этом не знают. Почему бы, используя обозначенные обстоятельства, не обвинить итальянца – «Джулио Чезаре», где первым помощником капитана как раз и служит «ПРОРОК», в повреждении стратегического кабеля при спуске якоря?! В соответствии с Гаагской конвенцией, выведение из строя средств связи государственного значения карается огромным штрафом – 100 000 долларов за каждый день дисфункции кабеля.

И последнее. Капитаны иностранных судов, виновные в повреждении стратегического кабеля, независимо от национальности, стажа работы, страны принадлежности корабля могут быть списаны на берег без выходного пособия. Нет, они не подвергаются судебному преследованию, их имущество не подлежит конфискации. Но попробуй устроиться на работу в прежней должности, если ты уволен решением международной Ллойдовской страховой компании, которая и должна компенсировать пострадавшей стороне затраты на восстановительные работы.

План генерала Карпова как раз и предполагал использование всех этих нюансов.

«Чем же занимались наши аналитики-разработчики, за что зарплату получали, если один генерал додумался до всего этого, – спрашивал себя Казаченко, слушая рассуждения Карпова, – пофантазируй немного те, кто это по должности обязан делать, и мы давно бы уже поставили на колени любого из натовских капитанов, “обремененных” “ПАКЕТАМИ”. Чего проще? Устрой скандал по поводу повреждения стратегического кабеля. Предъяви капитану иск. Да он ради сохранения должности и реноме почтет за счастье приползти на коленях к советской контрразведке с “ПАКЕТОМ” в зубах! Ай да, Леонтий Алексеевич! Да вам, с вашей головой, заместителем председателя давно пора быть!»

Казаченко лишь головой тряхнул от нахлынувших открытий.

– А вот когда портовые службы доведут до сведения капитана и его первого помощника, то есть до «ПРОРОКА», всю тяжесть, якобы ими содеянного, когда они окажутся в состоянии стресса, а ты знаешь, – тут Карпов пристально посмотрел на Олега, – что обычно делает выпивоха в тупиковой ситуации... Я имею в виду пристрастие «ПРОРОКА» к бутылке... Короче, как только наш флотоводец бросится топить своё горе по новороссийским кабакам, тут уж не зевай – выпускай своего «АРАПА»!

– Если б моего... Леонтий Алексеевич! Вы же сами говорили, что решение о его привлечении к операции будет приниматься на уровне руководства КГБ и МВД.

– Ну это... Это мы решим!

– А может, не гоняться за объектом по местам питейным? Может, сначала организовать им встречу в здании администрации порта? Предположим, Пал Палыч, то есть наш «АРАП», является туда под видом бизнесмена... Ну и так далее...

– Механизм вывода «АРАПА» на «ПРОРОКА» додумаешь сам... Это уже будет зависеть от тобой разработанной легенды прикрытия для, как ты его сейчас назвал? Пал Палыч?

– Ну да. В моей справке он – Ганнибал Ганнибалович, но в миру – «Пал Палыч».

– Ну, вот так и зашифруй новороссийским коллегам операцию... «Пал-Палыч»... Большого им знать не полагается... План доложить мне сегодня же! Ступай... Нет, постой! Разговор с «АРАПОМ» начнешь с его отца, его увлечения русским языком, посещения московского фестиваля, ну и так далее... Закончишь тем, что из-за этого с его отцом и разделились западные спецслужбы... У тебя в справке это очень живописно подано... Согласен?

– Насчет живописи?

– Что эффекты любишь, что ершистый – это я знал... Но чтобы еще и лесть любил... У меня сегодня день открытий в тебе, Казаченко! Запомни, я своё отслужил, у меня всё есть, а значит, могу позволить себе полиберальничать... С другими так не остри... Обрежешься! Усвоил?... Теперь – ступай!

Когда Олег отпирал дверь собственного кабинета, у него в ушах продолжали звучать слова шефа: «Я своё отслужил, у меня всё есть, а значит, могу позволить себе полиберальничать...»

«Жаль, если старик уйдет... Да и старик ли? Нет, не вовремя он на пенсию засобирался... Может, кому-то после ухода Андропова эта голова пришлась не по нраву? А голова светлая, слов нет! Умница! Чего стоит, один лишь способ взять на крючок «ПРОРОКА»! До этого ведь еще никто не додумался!»

* * *

Вечером была получена санкция председателя Комитета на проведение операции «ПРОРОК» и использование в ней капитана милиции Аношина Ганнибала Ганнибаловича.

Еще через два дня «АРАП» был поселен на загородной конспиративной квартире на Успенском шоссе. Согласно предложенной Казаченко легенде, руководством ГУВД Москвы до матери и сослуживцев была доведена информация, что Аношин срочно помещен в инфекционное отделение военного госпиталя по поводу вирусного гепатита. Диагноз и местонахождение «больного» исключали возможность навестить его.

Обучением «АРАПА» на «курсах молодого бойца «невидимого фронта» занимались бывшие нелегалы советской разведки, проработавшие не один год в африканских странах проамериканской ориентации.

Контроль за продвижением курсанта «через тернии к звездам» генерал Карпов возложил на Казаченко. Олег каждую пятницу приезжал на загородную явку, где в течение 2–3 часов общался с обучаемым, чтобы тот мог расслабиться и излить душу знакомому человеку. Через месяц интенсивных занятий, во время их очередного свидания, «АРАП», заговорщически подмигнув и придвинувшись к Олегу, сказал:

– Олег Юрьевич, между нами, шпионами, говоря, я в недоумении...

Казаченко насторожился. Чего стоила одна форма обращения! Если бы не обезоруживающая и вместе с тем осмысленная улыбка «подконтрольного», Олег подумал бы, что Аношин перезанимался. Мало ли, нервное истощение. Работать-то капитану приходилось по 14–16 часов ежедневно кроме воскресений. Да еще в отрыве от привычной обстановки – матери и друзей. Английский язык, аутотренинг, проработка легенды прикрытия, занятия по практической психологии, инструктаж о светских манерах, да мало ли...

– Говори! – невозмутимо бросил Казаченко.

– Да вы наверняка в курсе, – продолжая улыбаться, нараспев произнес капитан, не сводя глаз с собеседника.

– Нет, – отрезал Олег.

– Видите ли, Олег Юрьевич, со следующей недели в мою учебную программу вводится еще один предмет. – «АРАП» по-прежнему *протяжно* смотрел на полковника.

«Черт подери, – мысленно ругнулся Казаченко, – зерна упали в благодатную почву. Ученик в достаточной мере овладел механизмом выведывания: не спрашивая ничего конкретного, недомолвками подвигает тебя к раскрытию тобой самим собственных карт, провоцирует на произвольное речевое высказывание, так, кажется, это называется у психологов. Меня пытается превратить в полигон только что приобретенного им оружия. Ничего не скажешь, ловок стервец!»

Оба молча смотрели друг на друга. В глазах «АРАПА» Казаченко читал немой вопрос: «Ну, как, удался мой психологический этюд?»

– Знаешь, Пал Палыч, похвально, что ты блестяще демонстрируешь усвоенные навыки психологического манипулирования собеседником. Не обижайся, но я ведь давно это уже проглотил и успел переварить, а переваренное, оно вошло в мою кровь и плоть. Ты же – только начал откусывать. Нет-нет, погоди!

Олег поднял руку, заметив, что Аношин намерен возразить.

– Еще раз прошу, не обижайся. Просто знай, что я здесь еще и для того, чтобы тебе не быть всё время другим, чтобы ты мог побыть самим собой. Умей переключаться, выпускать пар из котла, выходить из роли в присутствии своих, иначе от постоянного напряжения получишь нервный срыв. Хотя, с другой стороны, оттачивать тот клинок, который ты мне сейчас продемонстрировал, вернее, не давать ему тупиться, – надо! Пусть непричастные, сидя перед экраном, восхищаются умением разведчика жить двойной жизнью. Они ведь не знают, что привычка к раздвоению оказывает разрушающее воздействие на человеческую душу, убивая в нём самом некоторые качества, которые являются необходимыми для нравственного здоровья человека.

Знаешь, японские регулировщики на особо загазованных улицах Токио каждые сорок минут меняют друг друга. Сменившийся сразу припадает к кислородной маске и двадцать минут от нее не отрывается. Так и у разведчиков – с чужими играешь роль, то есть дышишь угарным газом, со своими, став самим собой, насыщаешь кровь кислородом. По-другому – хана! Сам себя перехитришь... Всё! Теперь – говори. Я слушаю.

– На следующей неделе, – опять улыбнулся Аношин, – мне предстоит пройти краткий курс истории КПСС и марксистско-ленинской подготовки. Лекции будет читать генерал Уткин. Возможно, будут семинары. Он сообщит дополнительно. Я, конечно, судить не берусь... Может, в вашей системе так положено. Но всего лишь месяц назад в Московском университете марксизма-ленинизма я получил диплом об окончании факультета партийного строительства. Так ли необходимо через месяц начинать всё заново? Если предстоят семинары, то мне не помешали бы мои конспекты, которые у меня на работе в сейфе... Но как объяснить моим сослуживцам, что мне вдруг для лечения гепатита понадобились теоретические труды классиков марксизма-ленинизма? Разумеется, если кто-то возьмется мне их передать в больницу... В противном случае мне придется всё, что скажет Уткин, конспектировать, готовясь к семинару...

Олег не верил своим ушам. Всё, что угодно, даже обучение искусству икэбаны, даже изучение Римского права, но история КПСС?! Маразм крепчает. Похоже, кто-то в руководстве Комитета решил, что коммунизм – это советская власть плюс и д и о т и з а ц и я всей страны.

А почему бы не прочитать «Краткий курс ВКП (б)» в родильном доме, в психбольнице?!

Казаченко был наслышан о генерал-майоре Уткине. Долгое время тот был секретарем парткома центрального аппарата КГБ СССР. Величина! А лет пять назад, будучи на пенсии, начал объезжать союзные веси с лекциями о развитии социализме. Не хватало, видимо,

генеральской пенсии! Ну не сводил старик концы с концами, и всё тут! А так – 12 рублей за лекцию, плюс оплаченные гостиница и проезд в оба конца, плюс суточные, плюс машина с водителем, опять же при деле, у всех на виду, значит, – прежний почет и уважение!

Как сказал бы генерал Карпов, Олегу был нанесен удар «ниже пейджера». Он внутренне посуровел. Затем, одернув себя, пристально посмотрел на Аношина. Во взгляде можно было прочесть:

«Не дрейфь, мой смуглый губошлеп! Карпов, твой ангел-хранитель, в обиду Уткину тебя не даст!»

Вслух же произнес совсем другое:

– Ну, во-первых, не «в вашей системе», а уже в нашей... А во-вторых... Ничего не конспектировать... Перевяжешь руку... Порезался... На кухне!

Глава десятая

Доктор Владимир Львович

– Буду предельно откровенен с вами, почтеннейший, – начал свою тронную речь Владимир Львович. – А чтобы убедить вас в том, что абсолютная конфиденциальность и анонимность прохождения вами в этих стенах необходимого курса лечения и реабилитации гарантируется, выражаясь языком банкиров, полностью и даже с процентами, не называйте мне своего имени-отчества. Меня также не интересует род ваших занятий. Мне достаточно того, что вы знакомы с моей старинной подругой и деловым партнером Ланочкой, которая пользуется моим безграничным доверием, по чьей рекомендации вы здесь, и по просьбе которой я готов уделить вам свое внимание соразмерно тяжести вашего казуса, а также объему накопленных мною знаний и опыта, чтобы не сказать э р у д и ц и и в области психоневрологии...

«Складно излагает, стервец! Такое вступление, да без запинки, да на едином дыхании, даже мне захотелось дух перевести, – подумал *ОН*. – Интересно, сколько ты слупишь с меня за курс?»

Как бы подслушав рассуждения собеседника, Владимир Львович изрек:

– Область медицины, в которой я практикую, приучает думать о деньгах в последнюю очередь... Психоневрология – это не зубодерство... И имеет она дело с тончайшей материей – душой, которая-то и относится к истинным ценностям, таким, как здоровье и любовь близких, дружба по велению души, привязанность к семье, детям – не так уж много, как видите... У меня, разумеется, есть почасовые расценки, но к ним мы вернемся по достижении устойчивого эффекта после окончания курса...

«Ловко доктор сажает меня на крючок... Может по завершении лечения машину потребовать, а может просто руку пожать за приятное времяпрепровождение... Вот и думай, как себя с ним вести!.. Да, малый не промах: сразу загоняет меня в рабство своим предложением обсудить цену за лечение по его завершении», – *ОН* с восхищением наблюдал за доктором.

– Видите ли, почтеннейший, я привык иметь дело с людьми, у которых в жизни на первом плане стоят идеалы чести, а не декларации и лозунги о них... Помните? «Душу – Богу, Сердце – Женщине, Жизнь – Отечеству, Честь – Никому!»

«Деньги – Доктору», – добавил про себя наш герой.

– Правда, в этом изречении нет ни слова о деньгах, – продолжал доктор.

«Опять подслушал, стервец!» – твердо сказал себе *ОН*.

– ... ну что ж, от себя я добавлю: деньги – любовнице! Н-да... Так о чем это я начал?

– О людях чести...

– Так вот. В кресле, которое вы изволите занимать, перебивало множество достойнейших людей...

«Но судя по обстановке вашей, доктор, квартиры, не было ни одного от сохи», – *ОН* не мог отказать себе в сарказме.

– ... твердых нравственных устоев и незапятнанной чести. Как знать, может, именно из-за собственной нравственной чистоты и твердости духа они и попадали в это кресло, как знать, как знать...

«Упрощаешь, доктор. От себя могу добавить, что, отстаивая идеалы чести, люди чаще попадают в реанимацию по поводу инфарктов».

– Безусловно, не все отстаивающие идеалы чести достаются психоневрологам, нет, без работы не остаются и кардиологи, но...

«Да что за черт! – уже начал злиться *ОН*. – Подо мной датчик, что ли? Уловитель мыслей?!» – *ОН* даже заерзал в кресле от беспокойства.

— ... к психоневрологу моего уровня обращаются в поисках помощи Личности с большой буквы. И, заметьте, личности утончённые. А раз утонченные, значит, высокопоставленные. Не только в смысле занимаемого социального положения, нет. Высокопоставленные для меня, прежде всего, означает вознесенные. Над окружающей толпой, к примеру... Лидеры в своем деле. Мы же, по мнению моего друга, главврача психиатрической клиники, живем в эпоху измельчавших поколений... Да-да! Мы, психоневрологи и психиатры, подходим к жизни со своим специфическим мерилем, но на поверку оно оказывается самым верным... О каждом поколении можно судить по его мании величия. У моего друга в клинике — ни одного Наполеона! Официантка заболевает — у нее мания величия, — она — директор ресторана. Привозят прапорщика — он — начальник тыла. Заболевает академик, у него мания величия — он — «новый» русский! Поэт этот процесс деградации мании величия выразил одной строкой: *«мельчает век — мельчают идиоты»*. Но я что-то отвлекся... О чём это мы говорили? Ах, да! Так вот, все больные, попадающие к эскулапам от кардиологии, — это лица, кому-либо подчиненные, то есть исполнители воли лидеров. Инфаркт — это удел исполнителей, молодой человек... И не надо упрощать...

«А-а, доктор, оказывается, всего лишь меня и себя хотел похвалить... Ловок, стервец, ловок! Одной фразой и мне варезку медом утер, и себе нимб вокруг башки взгромоздил! Ай, да Владимир Львович... Искусник!» — Однако произнес *ОН* совсем другое:

— Простите, Владимир Львович, а в чём, собственно, будет заключаться лечение?

— Психоанализ, гипноз, обучение навыкам аутотренинга... Возможно, придется применить акупунктуру... Посмотрим, как будут развиваться события... Я еще не знаю, насколько глубоко сидит в вас недуг... На ночь, возможно, будут показаны седативные средства... Кстати, как у вас со сном, — молниеносный взгляд психоневролога опасной бритвой полоснул по лицу собеседника.

ОН понял, что профессору о нём известно предостаточно. Но вида не подал, спокойно ответил:

— Нормально...

— Ну, вот и славно...

Вдруг профессор спохватился.

— Что-то мы заболтались, — он суетливо стал теребить скатерть, но мгновенно взял себя в руки и размашистым, боярским жестом вынул из кармашка жилетки золотые часы-грушу на массивной золотой цепи, шелкнул крышкой...

«Стоимость часов равняется моему годовому денежному содержанию. Как минимум!»

— По привычке отметил *ОН*.

— Так, сейчас 13.13. У меня есть еще две минуты... Значит так, почтеннейший... Вот вам ключ от входной двери... Приходите завтра ровно в тринадцать... Ключ от верхнего дверного замка... Проходите прямо сюда и располагайтесь в кресле... Да-да, я уже буду здесь, — добавил доктор, заметив, что собеседник взглянул на него вопрошающе. — И последнее... Запомните фразу, которую с сегодняшнего дня вы будете повторять беспрестанно... Она раскрепостит ваш загруженный мозг: Нет людей здоровых — есть *недообследованные*.

— Кто? — коротко спросил *ОН*.

— Профессор Ганнушкин, — так же коротко ответил доктор, поднимаясь с кресла.

Оказавшись на лестничной площадке, *ОН* заставил себя не оборачиваться. Знал, что профессор наблюдает за ним в дверной глазок.

«Я не обернусь, доктор, я уже “срисовал” всё изнутри. Три замка, плюс дверная задвижка из титана, плюс бронированная дверь, для маскировки, обитая поверху непритязательным дешевым дерматином. А если еще учесть, что ваша дверь открывается на лестничную площадку, а не внутрь квартиры, как это обычно делают у нас в Москве, то, с уверенностью можно констатировать, что у вас очень крутые консультанты по части безопасности

жилища... Интересно, а по какой еще? А вот с ключиком – промашка вышла... Не ожидал я от вас такого дешевого финта... Барский жест, рассчитанный на простаков или на самолюбленных особ... Вот, мол, вам ключ от моей квартиры, а вместе с ним моё доверие и благорасположение... Смотрите, как я открыт для вас... Открыт и беззащитен... Беззащитен? Нет, доктор! Вы – неуязвим!.. Очевидно, маневр с вручением ключа всегда действовал на ваших пациентов безотказно и вы уверовали в его всепроникаемость... Но со мной такие трюки не проходят, нет! Лицемер вы, доктор, хитрющий... А за фразу спасибо... Наконец я получил ответ на моё восприятие большинства из окружающей меня толпы. Да-да, *недообследованные*... идиоты. Неплохо!»

Перед тем как выйти на улицу, *ОН* выключил магнитофон, вмонтированный в наручные часы.

Глава одиннадцатая

Реализация операции «Пакет»

Самолет, выполнявший рейс по маршруту Москва – Анапа, в аэропорт назначения прибывал по расписанию.

Казаченко и «АРАП» занимали в салоне соседние кресла, но для окружающих демонстрировали взаимное безразличие. Да и что может быть общего между преуспевающим бизнесменом из Либерии, направляющимся в Новороссийск для улаживания проблем по фрахту какого-нибудь пустопорожного сухогруза, отбывающего из СССР в Африку, с сидевшим рядом «совком»?!

Казаченко исподволь наблюдал за исполнением «АРАПОМ» своей роли, отработанной и отшлифованной во время встреч с инструкторами на конспиративных квартирах.

«АРАП», отпустивший по рекомендации наставников шкиперскую бородку, не однажды подвергнувший свои ногти маникюру, благоухающий туалетной водой от Кристиана Диора, с показным пренебрежением взирал на обращающихся к нему стюардесс.

«Знали бы они, что перед ними – милиционер, а не бизнесмен из Либерии!» – подумал Казаченко и сразу же одернул себя, вспомнив напутственные слова генерала Карпова.

На контрольной встрече с «АРАПОМ» генерал после продолжительной беседы обратился к нему с вопросом, который, казалось бы, не таил подвоха.

– А не будет ли у вас трудностей при обратном перевоплощении... Сумеете из богатого бизнесмена вновь стать офицером МВД СССР?

Аношин не был готов к такому повороту. На секунду задумался. На помощь соратнику поспешил Казаченко, о чем и пожалел после ухода «АРАПА» со встречи.

– Товарищ генерал, если Родина прикажет, то по системе Станиславского у нас бизнесменом станет любой, а потом вновь капитаном милиции...

Первым рассмеялся Аношин. Искренне, раскатисто. Засмеялся и Казаченко, но увидев ироничную улыбку генерала, осекся.

– Видите ли, в чём дело, Ганнибал Ганнибалович, – как если бы и не было шутки, произнес Карпов, – вы в предстоящей операции предстанете в роли разведчика-нелегала. А мне известно, какие «ломки» психологического плана они испытывают по возвращении в изначальное бытие. В последнее время вы вели образ жизни, прямо скажем, несоветского человека... Ночные бары, сауны, такси, лишние деньги, доступные женщины... Да, не могу не подчеркнуть, что и трудиться вам пришлось немало... Сегодня вы владеете английским языком в такой мере, что иному студенту лингвистического вуза и за пять лет обучения не удастся достигнуть... Вы во многом преуспели... Но вы не думали, что это – лишь эпизод вашей служебной деятельности?.. Нет, я не имею в виду нынешнюю вашу должность... Я имею в виду нечто другое. И в дальнейшем, на оперативной работе, вам придется не раз принимать чужое обличие... Короче! Не вскружила ли вам голову эта беззаботная жизнь за счет граждан страны, которая во многом себе отказывает?

«Хорошо плетет паутину генерал! Психология! Тут он преуспел! Но, с другой стороны, на что рассчитывает Карпов? – пришло в голову Казаченко. – Считает, что “АРАП” сейчас расплатится, упадет на колени и признается, что всё это время вынашивал планы уйти на судне “ПРОРОКА” за кордон? Абсурд! Если Аношин за время работы с инструкторами – бывшими нашими нелегалами – показал высокий класс работы “на репетициях”, то есть во время обучения, то неужели, надумав уйти *туда*, он сейчас откроется в этом Карпову! Похоже, что генералу важна сейчас первая, непроизвольная, *подсознательная* реакция испытуемого, для того, чтобы снять собственные гипотетичные сомнения. Сомнения – удел высшего руководства. С этим нельзя не считаться! Посмотрим, какова будет реакция Аношина!»

Капитан милиции Аношин Ганнибал Ганнибалович был краток и прост в своём вынужденном откровении.

– Товарищ генерал...

– Ганнибал Ганнибалович! Нет среди нас генералов, полковников, капитанов... Есть единомышленники. Мы делаем общее дело, так что, попрошу называть меня по имени-отчеству...

– Леонтий Алексеевич, – моментально отреагировал «АРАП», – после того, как товарищ полк... то есть Олег Юрьевич познакомил меня с некоторыми подробностями биографии моих родственников по отцовской линии, у меня в душе всё перевернулось... Знаете, член императорской фамилии по отцу и вдруг милицейские погоны... Я очень долго не мог согласиться с вашим предложением, не устраивать дискуссию по этому вопросу со своей матерью... Но в конце концов поверил вам, что мама действительно не знала, что человек, который ее в себя влюбил, – был сыном императора Чада... Я верю м а м е! Мама для меня – всё. Я отдаю себе отчет в том, насколько внешне я отличаюсь от своего окружения. Но моя мама сделала для меня всё, чтобы я почувствовал себя *согражданином*! И я им таки стал! Я понимаю, товарищ ге... то есть Леонтий Алексеевич, этот факт не может вас не беспокоить как руководителя операции. Я не буду произносить выпретенных слов... Скажу лишь, – я не смогу предать собственную мать... Оставить ее наедине со своей старостью?!.. Никогда!

Казаченко увидел, что на глазах «АРАПА» выступили слезы, как он задумчиво опустил подбородок на грудь. Умолк. Похоже, слезы не ускользнули от Карпова.

Казаченко сделал вывод, что генерал был готов не только к такой реакции «АРАПА».

«Шеф, оказывается, успел просчитать еще несколько вариантов и заготовить свой ответ... Ай да умница!»

– Ганнибал Ганнибалович, мать – это алтарь семейного храма... Не поклоняться этому алтарю – кощунственно и безнравственно. И последнее! Никто вас не считает *согражданином*, как вы изволили выразиться... Вы – такой же гражданин, как и мы с Олегом Юрьевичем, и делаем мы общее дело...

После ухода «АРАПА» с конспиративной квартиры Карпов задержал начавшего собираться Казаченко.

– Олег Юрьевич, – как обычно, по-кошачьи расхаживая по персидским коврам конспиративной квартиры, произнес генерал. – Должен признать, что мне очень не понравилось ваше умозаключение по поводу системы Станиславского! У вас неправильный подход к участию Аношина в операции... «АРАП» – это лишь название, конспиративное название, зашифровывающее личность оперработника Аношина! Он – не агент «АРАП», таскающий для нас каштаны из огня, он – равноценный оперативный сотрудник... Хотя, сказать *равноценный* – принизить его роль в операции «ПРОРОК»! Он – основное действующее лицо. Мы – лишь костыли, на которые он опирается. Попрошу, изменить своё отношение к Аношину... Не пытайтесь оспаривать мои предположения... Вы, как мне кажется, недооцениваете роль Аношина в операции... Мы – в одной команде. Теперь уже для вас, Олег Юрьевич! Нет в этой операции генералов, полковников, капитанов – есть исполнители. А ваше чувство превосходства над сотрудником милиции попрошу... Нет! Приказываю! Оставить за рамками проводимой операции!.. Не место, и не время ведомственным передрыгам!

«Да, всыпал мне тогда генерал “полные шаровары ежиков”», – вспомнил Казаченко.

* * *

Первым из самолета вышел «АРАП», так как его встречали представители местного отделения «Интуриста». «Шишка» – что подделаешь!

Новороссийцы, как того требовал Центр, поселили «АРАПА» и Казаченко в расположенные по соседству номера люкс лучшей в городе гостиницы «Советская». Существо связи между Казаченко и «АРАПОМ» перед местными чекистами не раскрывалась. В Святом писании сказано: *«И убереги меня, Господи, от друзей моих, ибо от врагов я и сам убежусь!»*

На первом этапе операции Казаченко выступал лишь в роли соглядатая из Центра, фиксирующего действия своего африканского подопечного.

Такое распределение обязанностей позволяло и Казаченко, и «АРАПУ» иметь простор для неожиданного маневра.

Новороссы недоумевали: «почему Центр не потребовал установить за “смуглолицым” наружное наблюдение?!»

Но это не было упущением генерала Карпова.

«Черт с ним, что подумают новороссы – объясняться я с ними не намерен! Хуже – если мы затребуем “наружку” за капитаном милиции Аношиным – главным действующим персонажем операции “ПРОРОК”, а он благодаря своим навыкам, полученным в Школе милиции и на наших курсах, эту самую “наружку” выявит. Для опера, прошедшего нашу школу, *нашу* же “наружку” вычислить труда не составляет...»

Действительно, у Аношина при выявлении за собой «хвоста» мог возникнуть стресс. Слова генерала Карпова «о единомышленниках» были бы восприняты им как лицемерие. «Если мне предоставлена роль разработчика – то зачем “наружка”?! Значит, мне не доверяют, или доверяют не до конца, что в итоге одно и то же!» – мог подумать Пал Палыч.

Эту его логику мышления смоделировал генерал Карпов, и поэтому «наружку» за «АРАПОМ» решено было не выпускать. ДО ПОРЫ...

Всякому плоду – своё время...

* * *

Казаченко уже был готов выслушать напутственные слова, поднялся из-за стола, когда вдруг Карпов, спохватившись, сказал:

– Стоп!.. Пожалуй, в экипировке «АРАПА» не хватает существенной детали. Подбери-ка в оперативном реквизите какой-нибудь брелок, ну, амулет или часы... с микрофонами. Тогда и ноги новороссийских «топтунов» будут целы, и ты будешь сыт поступающей от нашего друга информацией, причем безо всяких на то усилий с его стороны...

Бездевушка должна соответствовать его социальному положению и кредитоспособности... Ну, ты понимаешь... И чтобы она ежесекундно была при нем... Проинструктируй Аношина, как этой штуковиной пользоваться. Выясни радиус действия микрофонов... И пусть техники подберут те частоты, на которых ни милиция, ни наши, ни военная контрразведка не работают... Действуй!

Казаченко выбрал браслет. Золотой, массивный он внушал окружающим уважение и зависть к достатку и процветанию его хозяина. Лучшую визитную карточку «АРАПУ» вряд ли можно было подобрать.

* * *

От новороссов требовалось немного: через офицеров действующего резерва Комитета госбезопасности, работавших в портовой администрации, заставить капитана «Джулио Чезаре» и его помощников поверить в то, что повреждение стратегического кабеля произведено маневрами именно их судна. И, *ежесекундно* находясь на связи с Казаченко, выполнять все его распоряжения.

Приступили.

Действительно, в октябре море в районе Новороссийска беспокойно. Ветер и с ним волны постоянно меняют направление движения, что заставляет находящиеся на траверзе новороссийской бухты суда маневрировать в радиусе 1–2 мили. Все перемещения должны быть занесены в судовой журнал. Но кто из штурманов возьмет на себя этот изнуряющий и, по большому счету, бесполезный труд, когда каждые десять – пятнадцать минут надо возвращаться к карте? На этом-то и строился расчет генерала Карпова по обвинению «Джулио Чезаре» в повреждении стратегического кабеля.

В задачу офицеров действующего резерва входило затянуть время выяснения истины, находился ли «Джулио Чезаре» в данном конкретном секторе новороссийской бухты, и, закончив расследование, объявить виновником повреждения кабеля именно его. Сделав такое заключение, администрация порта должна была постоянно оглушать капитана танкера и его первого помощника, «ПРОРОКА», огромными цифрами штрафных санкций, создавая, таким образом, психологический фон, необходимый для нанесения «АРАПОМ» решающего удара.

* * *

«АРАП» легко вошел в контакт с взвинченным возможным списанием на берег «ПРОРОКОМ». В новороссийских ресторанах они за бутылкой водки ругали русских. Кстати, и водка и язык общения были тоже русскими.

«АРАП» показал «ПРОРОКУ» свой, испещренный въездными визами в разные страны, либерийский паспорт, выписанный на имя Бенжамина Самюэля Стюарта. Не велика хитрость, но имя «Бенжамин» должно было вызвать в памяти «ПРОРОКА» приятные ассоциации-воспоминания о погибшем приятеле Пьере Бенжамине. Этот психологический этюд, в конечном счете, должен был ускорить сближение «АРАПА» с «ПРОРОКОМ».

Во время застольных «откровений» «АРАП» сообщил «ПРОРОКУ», что проходил службу в Тбилисском погранучилище, но вынужден был прервать свою блистательную, со слов русских военачальников карьеру, потому, что двоюродный племянник жены его отца совершил на родине маленький «ку-дей-та» – переворот.

Казаченко докладывал Карпову:

«Сжились. Спиваются». Что на общедоступном языке значило: *«Всё идет согласно плану. “АРАП” в соответствии с отработанной ему легендой расположил к себе объекта».*

Приступили к решающему этапу операции.

В ресторане гостиницы «Советская» сидят двое чернокожих иностранца, ну, один – не очень. Выпивают. Поначалу говорят неназойливо для окружающих. Затем один из них заводится и начинает... Ну, как бы тут лучше выразиться? Крыть весь Советский Союз, а заодно Гаагское соглашение, предусматривающее жесткие санкции за повреждение средства связи, имеющее стратегическое значение... Второй, с бородкой, не пытается разубедить собеседника, а наоборот, подливая ему водки, вторит собеседнику, что противостоять русским традиционными методами невозможно.

В это время в зал ресторана гостиницы «Советская» входит наряд милиции. Младший лейтенант и два сержанта. Зашли так, «для порядку», заодно и сигарет прикупить. Проходя меж столами, слышат не совсем русскую, но громкую пьяную речь. Говорят на этом самом, не совсем трезвом русском языке, два чернокожих. Да еще и вызывая себе ведут. Ну, как тут не сделать замечание двум инородцам, если ты в милицейской форме, да еще и при исполнении?

«Один из черножопых, тот, который без бороды, поднялся и неожиданно ударил меня в подбородок...» — Так напишет в рапорте один из сержантов. Почему рапорт не был написан старшим наряда — младшим лейтенантом — мы еще узнаем.

«Вдруг, тот, что с бородой, по-русски скомандовал: “Мохаммед, срывай с них погоны! Это — коммунисты, они в 1917 году узурпировали власть в России! Бей их!” Между нами началась потасовка. С младшего лейтенанта содрали погоны и ударили чем-то тяжелым. Он отключился. Мы по рации вызвали группу поддержки и забрали этих пьяных дебоширов...»

«Схватка в ресторане» была проведена согласно плану Центра. А в роли милиционеров выступали сотрудники наружного наблюдения.

Когда «ПРОРОК», он же Мохаммед Али Самантар, оклемался в «козлятнике» — камере предварительного заключения, — «АРАП» нарисовал ему, в буквальном смысле слова, убийственную картину. Якобы «ПРОРОК» в пылу схватки пепельницей убил старшего наряда — офицера советской милиции (вот почему от него не было рапорта о происшедшем. Убит пепельницей — и вся недолга!).

Известие потрясло «ПРОРОКА». Свои пояснения случившегося «АРАП» завершил наивным вопросом:

— Неужели ты ничего не помнишь?

— Нет, абсолютно ничего... Мы ж столько выпили... А тебе-то откуда всё это известно? Ты же здесь, вместе со мной! — придя в себя после услышанного, поинтересовался «ПРОРОК».

— Меня уже вызывали на допрос, дружище... Пока ты спал... Теперь — твой выход...

Более точного определения роли Мохаммеда Али Самантара в предстоящей оперативной мизансцене подобрать трудно: «Теперь — твой выход»...

— Бен, что делать? — после долгой паузы произнес Самантар.

— Я-то знаю, что делать, — поигрывая массивным золотым браслетом из оперативного гардероба, ответил Аношин. — Я уже договорился с русскими полицейскими и через них послал телеграмму своему адвокату. Завтра-послезавтра он будет здесь. Меня выпустят под залог...

— Большой залог затребовали?

— Сошлись на 100 тысячах долларов...

— Мамма миа! — по-итальянски выкрикнул Самантар, обеими руками схватившись за голову. — Мне таких денег и за пять лет непрерывной работы с моими сестрами-дармоедками не собрать...

— Кстати, Мох, — всё также встряхивая запястьем с браслетом, размеренно и спокойно сказал Аношин, — милиционеры говорили еще о каком-то важном кабеле, который вы якобы перерезали якорем...

— Кабель?.. Какой еще кабель? Ах, да! Черт бы подрал этих русских с их кабелями!! Проклятая, закабелированная эта страна Россия... Вся проволокой опутана...

Нельзя не отдать должного просвещенности «ПРОРОКА». За время учебы в Бакинском училище он только и слышал: «туда — нельзя!», «сюда — нельзя!»

— Когда меня вводили в комнату для допроса, оттуда выходил какой-то рыжебородый в форме морского офицера, и тоже сказал: «Мамма миа!» — невзначай обронил Аношин. — На нём от ярости лица не было...

— Это — мой капитан... Клаудио Дзаппа... Русские обвиняют нас в том, что мы повредили военный кабель. Если Страховая компания об этом узнает, нас с Дзаппой спишут на берег... Но мы договорились с капитаном пока телеграммы в Лондон не посылать... Потому что — это конец!.. — Самантар молитвенно сложил руки.

– Мох, у меня есть идея... Продайте мне ваш танкер. Вы же уже загрузились... Я куплю ваш танкер... С грузом... С командой... И все ваши проблемы будут решены! Мой адвокат переведет в Россию больше, чем 100 тысяч... О цене мы сможем договориться...

– Танкер, да еще и с командой? А куда нам с Дзаппой деваться?! Куда, наконец, потвоему, может деться танкер для судовладельца и Страховой компании?!

– В морях полно пиратов, – невозмутимо ответил Аношин, – вас могли захватить в плен...

– Бен, ты с ума сошел! Черное море контролируют русские. Средиземное – американцы. Нет здесь пиратов! Это тебе не Юго-Восточная Азия. Да и на борту у нас есть нечто такое, из-за чего мы с Дзаппой можем угодить прямиком на каторгу...

– Ты о чём, Мох? – Аношин сел на нары, закинув ногу на ногу.

– Видишь ли, Бен... Мы вошли в Черное море, значит, за нашу безопасность отвечают русские. Это – их лужа... Если бы мы вдруг пропали здесь, американцы подняли бы такой шум из-за нашего исчезновения... Они проверят каждую милю нашего пути сюда и отсюда... Даже со спутников... И всё из-за этого чертова «ПАКЕТА» в сейфе...

– Ну а если бы вас захватили японские пираты с этим конвертом? Ты же мне рассказывал, что в следующий раз вы пойдете в Малайзию... Что в конверте? Золото? Неприкосновенный запас бриллиантов?

– Бен, ты не понимаешь... Если нас захватят пираты, то до содержимого «ПАКЕТА» им никогда не добраться... Он у них сгорит, взорвется в руках!..

– Черт подери, Мох! Я – бизнесмен, а ты, оказывается, Джеймс Бонд, а не моряк... А, может, ты мне лапшу на уши вешаешь с похмелья? Я ведь у русских тоже в погранучилище не один год проучился... Но что-то о самовзрывающихся конвертах ничего не слышал... Хотя с нами русские были очень откровенны...

Услышав слово «конверт», Казаченко, следивший за ходом беседы между двумя «обвиняемыми», сорвал с головы наушники и, переключив микрофон на громкую связь, возбужденно зашагал по кабинету оперативно-технического отдела. Нарочитая оговорка Аношина привела Олега в восторг.

«Да! Именно это слово – *конверт* – должен был употребить Пал Палыч. Не “ПАКЕТ”, а *к о н в е р т*! “ПАКЕТ” – термин, известный “ПРОРОКУ” как посвященному. А Аношину, чтобы не выказать собственной осведомленности, необходимо было “перепутать” слова. Прикинуться “шлангом”... Ай, да Пал Палыч! Какого актера потеряла сцена. Тонко, очень тонко работает, стервец!» – Казаченко потер руки.

– Бен, я тебе очень доверяю... Сейчас ты услышал то, о чём я не имею права говорить даже самому близкому человеку... Это – секреты не мои – НАТО...

– Мох, похоже, не понимаешь ты! – перебил собеседника Аношин. – Не хочу ничего слышать о секретах НАТО... Я хочу лишь помочь тебе выпутаться... Русского полицейского убил не я – ты! У русских есть свидетели, официанты... Мне показывали фото мертвого на полу в ресторане... Мне зачитали объяснения... Но нет ничего, что нельзя было бы купить... Поверь моему опыту... Я в коммерции не первый день, и что-то в ней смыслу... И нет ничего, что нельзя было бы продать... Продай русским этот чертов конверт... Но не продешевь!.. Ты же знаешь, что русские чокнуты на секретах... У них, что ни бумажка – всё суперсекрет! У нас в тбилисском училище один курсант, убирая генеральский туалет, на всем рулоне туалетной бумаги ручкой написал «совершенно секретно». Потом аккуратненько его вновь смотал. Знаешь, что было? Наутро генерал выскочил из туалета с фиолетовой жопой. Штаны специально не подтянул. Всему строю офицеров-преподавателей разукрашенную задницу показал. После этого мы точно знали, что самая ценная составная часть нашего начальника училища – это его жопа. Почему? Да потому, что она стала проходить под грифом «совершенно секретно»!

«Вдохновенно импровизирует!» – оценил Казаченко слова Аношина.

– Ну а что я скажу капитану Дзаппе?

– Малыш, одна из заповедей коммерции, – назидательно произнес Аношин, – гласит: «Часть – меньше целого». Зачем тебе делиться выручкой с капитаном? И, потом, милиционера убивал не он – ты!.. Сделай всё без капитана... Если хочешь, я могу выступить посредником. Комиссионные вперед я не требую... Отдашь потом... Когда выберемся отсюда... За меня мой адвокат отдаст сто тысяч – ты отдай в залог конверт... Бизнес!.. Но торгуйся...

– «ПАКЕТ» оставить русским я не могу, – после короткого раздумья сказал как отрезал Самантар, – это – тюрьма по прибытии в Италию.

– Ну, Мох, тогда – выбирайся сам, – с напускным раздражением подвел черту Аношин, – я умываю руки... Завтра-послезавтра меня здесь не будет. А тебе, что здесь тюрьма, что в Италии – всё едино...

«Ну, думай, “ПРОРОК”, думай! – Казаченко быстрее зашагал по кабинету. – Ну, не может Пал Палыч за тебя проглотить. Он и так тебе всё разжевал!.. Глотай и переваривай быстрее!»

Наступила пауза. Чувствительные микрофоны улавливали позвякивание браслета Бенжамина Самюэля Стюарта, обреченные вздохи «ПРОРОКА» и доносили их в операторскую к Казаченко. Вздохи вдруг прекратились. Олег застыл в ожидании.

– Послушай, Бен... Как ты думаешь, можно ли договориться с русскими, чтобы они взяли «ПАКЕТ» не насовсем, а только на время... Скажем, на сутки?..

– Так он же взрывается, ты сам говорил...

– Я проинструктирую их... Но я должен иметь гарантии, что они меня в обмен на «ПАКЕТ» выпустят отсюда в Италию... И не через десять лет, а сразу... И потом Дзаппа... Он не должен ничего знать...

– Вот и обсуди это с русскими... Но предупреждаю – торгуйся!..

– Бен, ничего в голову не приходит... Как начать с русскими? Куда девать Дзаппу?..

«Ох, как я тебя понимаю, – улыбнулся Олег, – три дня без просыху квасить в новороссийских ресторанах. Могу себе представить, какие бильярдные шары похмелья бьются о твою черепную коробку... Ну-ка, Пал Палыч, бросьте ему спасительный швартовый. Пора объекту войти и стать в гавань уразумения, – Олег посмотрел на часы.

– Бен, ты – умный... Придумай что-нибудь... Встретимся в Италии. Ну, не в Италии – где ты скажешь... Я расплачусь с тобой. Сейчас у меня пустые карманы и пустая голова... Я разбит... Поговори с русскими. Мне нельзя в тюрьму... У меня три сестры... Их надо содержать...

«ПРОРОК» зарыдал.

«Постпохмельная истерика, – отметил Казаченко. – Но решение объект принял, теперь не поторопился бы Пал Палыч»...

Аношин исполнил всё «в наивысшем». В микрофон было слышно, как он пересел поближе к «ПРОРОКУ», притянул его голову себе на грудь. Рыдания стали глуше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.